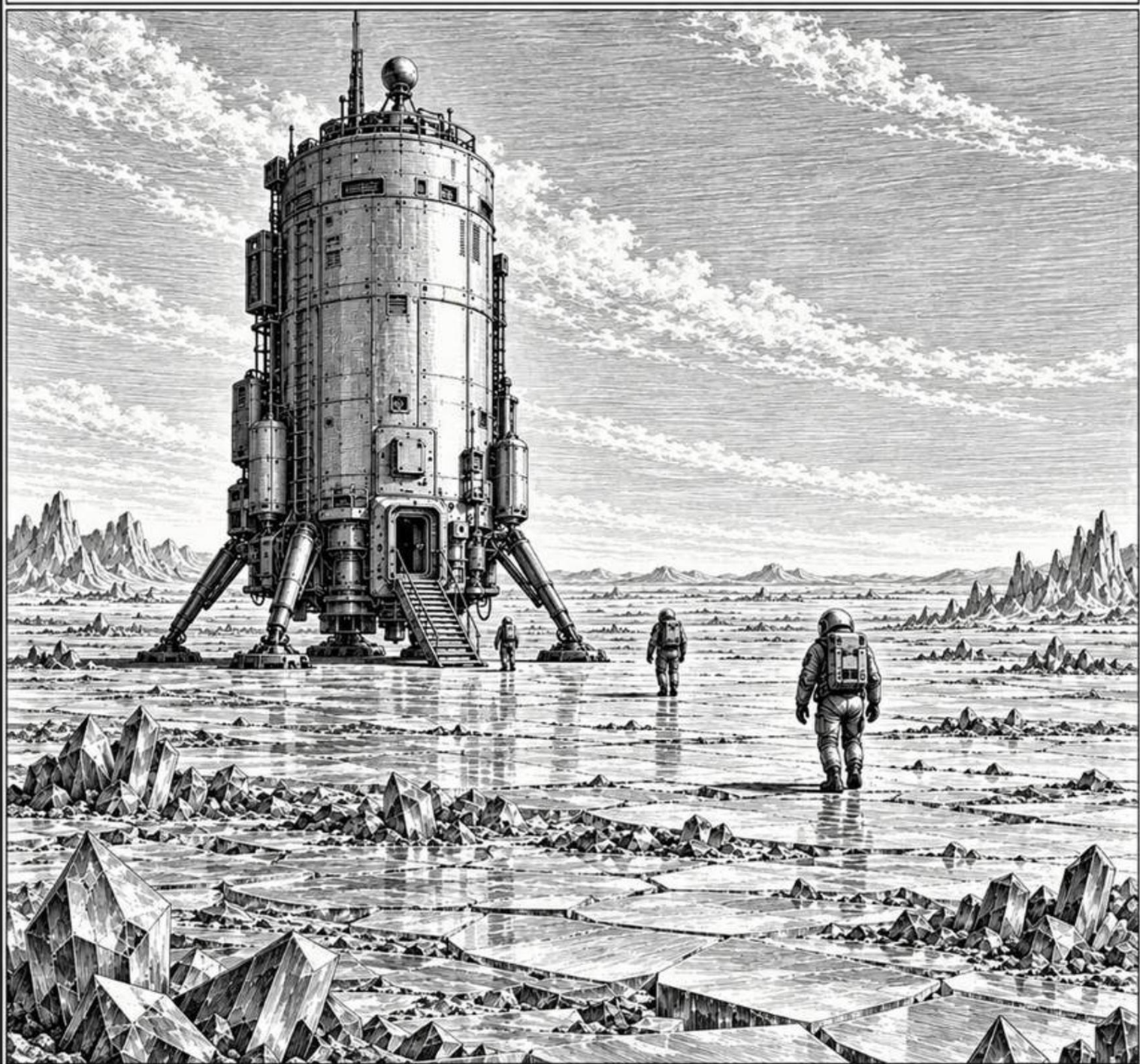

СЕРГЕЙ ЛАРИН

КРИСТАЛЛИЧЕСКИЙ ЛЕГИОН

КНИГА ПЕРВАЯ

КОНТАКТ

Сергей Ларин

Кристаллический легион

«Автор»

2026

Ларин С.

Кристаллический легион / С. Ларин — «Автор», 2026

На планете RS-417 нет городов и привычных признаков жизни. Только серебристая равнина и кристаллические структуры, которые экспедиция поначалу принимает за необычные минералы. Но приборы фиксируют повторяющиеся сигналы. Эксперименты вызывают отклик. А инженер Андрей Волков замечает, что неизвестная система реагирует не только на работу оборудования. Пытаясь установить контакт, команда постепенно обнаруживает следы истории, начавшейся почти два миллиона лет назад. С каждым ответом становится труднее понять, где заканчивается древняя машина и начинается собеседник — и какую цену может иметь следующий вопрос. «Контакт» — первая книга научно-фантастической трилогии «Кристаллический Легион». История исследователей, которым предстоит научиться понимать чужой разум и вовремя останавливаться.

© Ларин С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Ларин

Кристаллический легион

Сергей Ларин

Кристаллический Легион

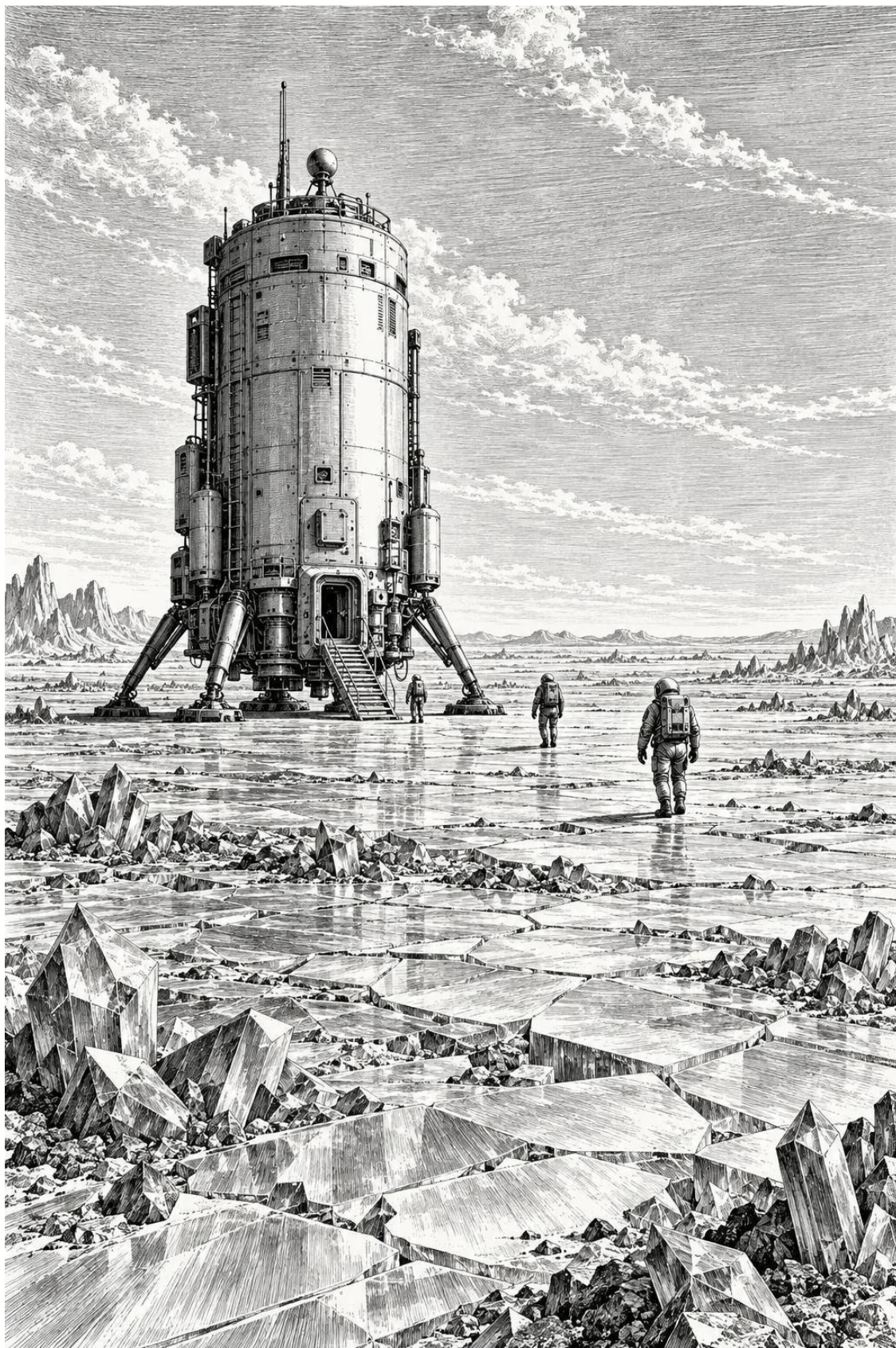
Книга первая

Контакт

«Мы искали следы исчезнувшей цивилизации.

Но не знали, что означает для неё — исчезнуть».

Иллюстрированная рабочая версия 1.2

Оглавление

Глава 1. Пыль 4

Глава 2. Тихая поверхность 9

Глава 3. Резонанс 20

Глава 4. Северо-восточный узел 39

Глава 5. Карантинный отсек 75

Глава 6. Второе направление 90

Глава 7. Дальний контур 115

Глава 8. Под поверхностью 153

Глава 9. Переводчик 205

Глава 10. Те, кто остались 244

Глава 11. Отлёт 320

Глоссарий 328

Глава 1. Пыль

Транспортно-исследовательский корабль «Тантал» завершил основной этап торможения за шесть часов до выхода на орбиту RS-417. Теперь планета занимала почти весь обзорный экран.

Серо-чёрный шар с тонкой серебристой каймой разреженной атмосферы. Тёмные равнины пересекали светлые прожилки; на отдельных участках поверхность отражала свет так, словно была покрыта стеклом. Облаков не было видно.

Андрей Волков стоял у консоли энергетического сектора и просматривал телеметрию.

— Орбитальный захват через триста двадцать секунд, — сообщил бортовой ИИ.

Голос был нейтральным. На «Тантале» предпочитали интерфейсы, которые сообщали нужное и не пытались поддерживать разговор.

Волков увеличил спектр последних измерений.

— Опять смотришь на свои призраки? — спросили за спиной.

К консоли подошла Елена Мирская, врач экспедиции и специалист по биофизическому контролю. Она просматривала записи вместе с научной группой.

— Если это призраки, то дисциплинированные.

Он вывел запись за последние двое суток. В спектре появлялись одни и те же пики. Интервал между пакетами составлял восемьдесят две минуты с отклонением менее трёх секунд.

Мирская наклонилась к экрану.

— Устойчивый период.

— И он сохраняется при изменении условий наблюдения, — сказал Волков. — Хочу понять, что задаёт этот ритм.

— Вращение? Приливный процесс?

— Проверяем. Пока убедительного совпадения нет.

Она посмотрела на планету.

— А если там до сих пор работает какой-нибудь древний реактор?

— Тогда нам повезло с объектом исследования.

RS-417 обнаружили восемь лет назад в ходе автоматического обзора. Сначала её отнесли к безжизненным каменным планетам. Позднее появились данные об аномальных нейтронных всплесках и участках теплового излучения, которые не удавалось объяснить нагревом от местной звезды.

Совет дальних исследований утвердил экспедицию. Задача занимала одну строку: «Проверка наличия искусственных энергетических структур неизвестного происхождения».

В корабельных разговорах RS-417 иногда называли Чумной Звездой — по старому роману, найденному кем-то из пилотов в электронной библиотеке. Волкову это название не нравилось. Оно предлагало объяснение раньше, чем появились данные.

На экране возникло сообщение:

ОРБИТАЛЬНЫЙ ЗАХВАТ ЗАВЕРШЁН.

Мирская вызвала тепловую карту. Несколько участков экваториальной зоны выделились красно-оранжевым.

— До ста тридцати градусов выше расчётной температуры, — сказал Волков.

— Подповерхностный источник?

— Возможно. Но в доступных спектрах нет заметных признаков газовых выбросов. Нужно уточнить модель.

Он увеличил ближайшую аномалию. Тёплая область образовывала почти замкнутое кольцо диаметром около четырёх километров.

Мирская некоторое время рассматривала его.

— Этот участок включаем в программу в первую очередь.

Через два часа руководители секций собрались в командном модуле. Капитан Игорь Седов вывел модель района посадки.

— Сектор Е-19. Ровная поверхность, небольшой уклон. Одна из кольцевых аномалий — примерно в пятидесяти километрах.

— Слишком близко к тому, чего мы не понимаем, — сказал начальник безопасности Олег Кравцов.

— И достаточно близко для исследования, — ответила Мирская.

Седов повернулся к Волкову.

— Что скажет энергетика?

— Радиационный фон в пределах допуска. Нейтронная активность в районе посадки низкая. Есть вопрос к проводимости грунта.

На экране появилась оценка: 0,37 См/м.

— Для сухого силикатного материала необычно высоко, — пояснил Волков.

— Прибор? — спросил Кравцов.

— Три канала дают близкие результаты. Но дистанционная оценка зависит от модели поверхности. После посадки проверим контактным измерением.

Мирская открыла спектральные данные.

— Уверенных признаков большого количества свободного металла нет.

— Значит, пока не знаем, что проводит, — заключил Седов.

— Пока не знаем.

Капитан сохранил карту.

— Работаем по основному плану. Сначала «Арго-3» в автоматическом режиме. Не менее шести часов наблюдения после посадки. Затем решаем вопрос о доставке группы.

«Арго-3» отделился от корабля в 14:42 по корабельному времени. Волков перешёл в операторскую.

На экране медленно поворачивалась серая поверхность. Строки телеметрии обновлялись без предупреждений.

— Высота сто километров. Скорость три тысячи двести метров в секунду. Тормозные двигатели — номинал.

Модуль снижался. Внешняя камера на время потеряла чёткость, затем изображение восстановилось. Тепловая нагрузка оставалась в расчётных пределах.

На последних километрах включились посадочные двигатели. Равнина под модулем выглядела однородной, покрытой мелкозернистым материалом, похожим на пепел.

— Пятьдесят метров. Двадцать. Десять.

Струи подняли облако пыли. Опоры коснулись поверхности.

ПОСАДКА УСПЕШНА.

В операторской коротко зааплодировали. Волков переключился на инженерные параметры: температуру стоек, нагрузку на опоры, электростатический потенциал корпуса относительно контактного щупа.

Последняя строка задержала его взгляд.

4,2 кВ.

— Что там? — спросила Мирская.

— Разность потенциалов после посадки не уменьшается.

Цифры изменились: 4,8 кВ. Затем 5,1.

— Проверь контакт с грунтом и цепь выравнивания потенциалов.

Оператор запустил диагностику.

— Контакт подтверждён. Обрыва в цепи нет.

Волков открыл график. Рост происходил короткими импульсами, между которыми проходило около восьми десятых секунды.

Он увеличил временной масштаб.

— Елена, посмотри. Не похоже на обычное стекание посадочного заряда.

— Остаточная работа преобразователя?

— Проверим по журналу питания.

Внешняя камера показала одну из опор. Пыль оседала, обнажая мелкие блестящие частицы. Несколько из них изменили положение.

Волков остановил запись и вернулся на несколько секунд назад. На первом кадре частицы лежали беспорядочно. На следующем часть граней отражала свет сходным образом. Затем возле стойки проступила слабая дуга.

— Это оптический эффект? — спросила Мирская.

Он запросил вторую камеру. С другого ракурса рисунок был менее контрастным, но изменение происходило в той же области.

Кравцов подошёл к консоли.

— Песок двигается?

— Похоже, отдельные частицы меняют ориентацию, — ответил Волков. — Нужно отделить движение от изменения освещения.

— Заряд от двигателей?

— Возможное объяснение. Сравним с распределением поля.

Мирская развернула снимок.

— Если частицы анизотропны, поле может ориентировать их по-разному. Нужен образец.

Оператор вывел ещё один канал.

— Сейсмодатчики фиксируют слабые колебания. Сериями.

Период оказался близок к интервалу электростатических импульсов. Волков наложил записи. Совпадение требовало проверки: механические колебания могли возникать в самом модуле.

— Мне начинает казаться, что планета нас приветствует, — сказал Кравцов.

— Пока мы даже не знаем, где источник, — ответил Волков.

Через час после посадки манипулятор «Арго-3» передал первую порцию грунта в изолированный анализатор.

В составе преобладали кремний, кислород и углерод. Прибор отметил редкоземельные компоненты, затем выдал отдельное предупреждение о кристаллических фазах: часть дифракционных максимумов не совпадала с библиотечными данными.

Мирская запросила рентгенограмму.

— Неидентифицированный минерал? — спросил Кравцов.

— Возможно. Или смесь, которую программа пока не разделила.

Она просмотрела несколько участков записи.

— Посмотри на ширину этих пиков, Андрей. Хорошо упорядоченный материал.

— Искусственный?

— По одной рентгенограмме этого не скажешь. Но я бы проверила такую версию. Седов подошёл к экрану.

— Подведём итог. Тепловые аномалии, необычная проводимость, перестройка частиц возле опоры. Есть признаки непосредственной опасности?

— Системы модуля работают штатно, — ответил Волков. — Но этого недостаточно, чтобы считать поверхность безопасной для человека.

Мирская закрыла рентгенограмму.

— Автоматический отбор прошёл без отказов. Предлагаю готовить группу, пока продолжается наблюдение.

— Подготовку разрешаю, — сказал Седов. — Решение о спуске после контрольного отчёта. Андрей, что добавишь к оснащению?

— Непрерывный мониторинг низкочастотных полей. Расширенный комплект магнитометрии. И контрольная запись работы оборудования, чтобы не принять собственные помехи за свойства планеты.

— Сделайте.

Люди разошлись по рабочим местам. Кравцов задержался у двери.

— Если твои призраки начнут отвечать словами, сообщи до того, как мы спустимся.

— Постараюсь.

Волков остался у консоли. На экране снова была посадочная опора. Узор почти исчез, но на сохранённых кадрах его ещё можно было различить.

Он открыл запись своего медицинского браслета и сопоставил её с электростатическими импульсами. Несколько изменений на графиках оказались близки по времени. Остальные не совпадали.

При таком коротком наблюдении сходство могло ничего не означать. Частота около одного герца встречалась во множестве процессов. Волков пометил запись для проверки, указав необходимость сверить временные шкалы и закрыл биометрический канал.

Но мысль осталась.

Модуль на поверхности был автоматическим. Сам Волков находился на орбите. Если связь действительно существовала, привычного объяснения ей пока не было.

Он снова посмотрел на дугу возле опоры. Где-то внизу лежала пыль, которая после посадки заняла новое положение.

Волков сохранил обе видеозаписи и добавил в журнал: «Причина перестройки не установлена».

Затем открыл список оборудования для группы.

До спуска нужно было успеть подготовиться.

Глава 2. Тихая поверхность

После контрольного отчёта Седов разрешил доставку группы на поверхность. Теперь Волков, Мирская и Кравцов готовились к исследовательскому выходу из «Арго-3». Шлюзовой отсек наполнился гулом насосов.

Волков проверял крепление внешнего магнитометрического блока на предплечье. После первых наблюдений инженеры добавили отдельный канал регистрации слабых низкочастотных колебаний.

— Не слишком ли серьёзная подготовка ради обычного выхода? — спросил Кравцов, затягивая фиксаторы своего скафандра.

— Хочу сравнить местные измерения с орбитальными, — ответил Волков. — И понять, что здесь создаёт поле.

Мирская вошла в отсек последней. В руках у неё был герметичный контейнер для первичных образцов.

— Группа готова. Маршрут: посадочный модуль — точка «Альфа» — геологический разлом в трёх километрах к северо-востоку.

Капитан Седов появился на внутреннем экране шлюза.

— Основной приоритет — анализ поверхности, — сказал Седов. — Необъяснимые эффекты фиксировать. Активные воздействия согласовывать с кораблём; при неожиданной реакции прекращать испытание.

— Принято, — ответила Мирская.

Внешний люк начал открываться. За прозрачным бронестеклом медленно проступала поверхность RS-417. Вблизи она выглядела иначе, чем на орбитальных снимках.

Это был не песок в обычном понимании. Скорее — бесконечное поле мельчайших матово-серых чешуек, каждая из которых отражала свет только под определённым углом. Поверхность казалась одновременно рыхлой и странно упорядоченной, словно состояла из миллиардов одинаковых микрокристаллов. Под матовым покровом местами просвечивала тёмная стекловидная основа. Каждая неровность отбрасывала длинную резкую тень.

Первым вышел Кравцов, затем Мирская. Волков ступил на поверхность последним. Подошвы скафандра погрузились всего на несколько миллиметров.

— Грунт держит лучше, чем ожидалось, — сообщил он.

— Подтверждаю, — отозвался Кравцов. — Похоже на спёкшийся порошок.

Волков присел возле одной из посадочных опор «Арго-3». Теперь узор, замеченный на орбите, был виден гораздо лучше.

В радиусе полуметра чешуйки образовывали слабую дугообразную текстуру. Свет местного солнца падал под малым углом; отдельные грани вспыхивали серебром. На первый взгляд рисунок напоминал расположение железных опилок возле магнита. Он осторожно провёл над поверхностью ручным магнитометром. Прибор пискнул.

— Есть локальное отклонение.

— Насколько? — спросила Мирская.

— Около сорока нанотесла относительно фона.

— Это мало.

— Пока мало данных. Но отклонение совпадает с рисунком.

Мирская опустила руку рядом с ним и извлекла из контейнера тонкий керамический шпатель.

— Беру образец из зоны ориентации.

Когда шпатель коснулся поверхности, ближайшие частицы дрогнули. Волков остановил запись и увеличил изображение.

— Ты это видела? — спросил он.

— Что именно?

— Частицы сместились.

Мирская замерла. Несколько секунд ничего не происходило. Потом она медленно поднесла к поверхности другой инструмент — немагнитный титановый зонд. На этот раз движения не было.

— Повтори магнитометром, — сказала она.

Волков снова приблизил прибор.

Едва датчик оказался в нескольких сантиметрах от поверхности, верхний слой кристаллов действительно изменил ориентацию — настолько слабо, что это можно было принять за игру света, но достаточно заметно при прямом наблюдении. Кравцов подошёл ближе.

— Мне это совсем не нравится.

— Возможна чувствительность к полю, — сказала Мирская. — Но здесь менялось сразу несколько условий.

Волков включил режим микросъёмки. Изображение увеличилось в сотни раз. При увеличении частицы оказались тонкими пластинками, многие — почти шестиугольными. На некоторых гранях виднелись параллельные штрихи.

— Очень сходные размеры, — заметила Мирская.

— Природа тоже любит правильную геометрию.

— Поэтому посмотрим распределение на нескольких образцах.

Она поместила несколько частиц в герметичный контейнер. В этот момент в наушниках раздался голос оператора с «Тантала»:

— Поверхностной группе. Мы фиксируем слабые колебания магнитного фона вокруг вашего сектора.

Волков быстро посмотрел на свои приборы. Действительно, кривая магнитометра медленно пульсировала.

— Частота? — спросил он.

— Предварительно около одного герца. Точный спектр уточняется.

Волков отметил пакет для сравнения с записью посадки. Близкие ритмы могли иметь общий источник, но предварительной оценки было недостаточно. Он поднял голову. Серая равнина вокруг них оставалась абсолютно неподвижной. Ни ветра. Ни пыли. Ни звука — разреженная атмосфера почти не передавала его. И именно эта полная тишина делала происходящее особенно тревожным. Мирская первой нарушила молчание:

— Продолжаем маршрут. Нам нужны данные, а не впечатления.

Они двинулись к точке «Альфа», оставляя за собой цепочку чётких следов на странной серой поверхности RS-417. Колонна двигалась медленно.

Они намеренно ограничили скорость. Датчики записывали нагрузку на грунт, микровибрации и магнитный фон. Волков следил, чтобы остановки для измерений не нарушали контроль маршрута.

Он нёс складную телеметрическую штангу с магнитометром, электростатическим анализатором, контактным сейсмодатчиком и лазерным профилометром.

— До точки «Альфа» два километра четыреста метров, — сообщил Кравцов.

Волков почти не слушал. Его внимание было приковано к бегущим строкам данных на внутреннем дисплее шлема. МАГНИТНЫЙ ФОН: среднее значение: 18,4 мкТл. локальные отклонения: $\pm 0,04$ мкТл. периодическая модуляция: 1,21 Гц. Модуляция не исчезала. Более того, её амплитуда медленно росла по мере удаления от посадочного модуля.

— Елена, у тебя тоже есть колебания на магнитном канале?

Мирская сверилась со своими приборами.

— Подтверждаю. Частота около 1,2 герца.

— Амплитуда растёт при удалении от модуля. Значит, источник в «Арго-3» — уже не самое простое объяснение.

Кравцов обернулся:

— Может, это ваш датчик ловит помехи от систем скафандра?

— Проверим и это. Сверим записи с журналами скафандров и сделаем контроль с отключёнными внешними модулями.

Он остановился и опустил штангу на поверхность. Волков установил контактные щупы и запустил измерение с учётом их расположения. На дисплее вспыхнула новая строка: ОЦЕНКА УДЕЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ: 2,8 Ом·м. Волков нахмурился.

— Невероятно.

— Что ещё? — спросила Мирская.

— Если модель измерения верна, проводимость близка к орбитальной оценке.

Она подошла ближе.

— Повтори измерение.

Волков переставил щуп на метр в сторону. 2,9 Ом·м. Ещё одно измерение. 2,7 Ом·м. Разброс оказался минимальным.

— Такое впечатление, что верхний слой образует связанную проводящую сеть, — сказал он.

— На основе углеродных включений?

— Возможный вариант. Возьмём материал для анализа.

Мирская некоторое время молчала, затем произнесла:

— Андрей, а если это не природная сеть?

Он не ответил. Через несколько сотен метров рельеф начал едва заметно меняться.

Под тонким слоем кристаллических чешуек проступали длинные параллельные гребни высотой всего несколько сантиметров. С орбиты их невозможно было заметить. Волков присел возле одного из гребней.

— Слишком регулярный шаг.

Он включил лазерный профилометр. На дисплее появилась серия почти одинаковых интервалов: 0,842 м. 0,839 м. 0,844 м.

— Периодическая структура, — сказала Мирская.

— Нужно понять, какой процесс её сформировал.

Кравцов провёл ботинком поперёк одного из гребней. Верхний слой кристаллов осыпался, обнажив тёмную стекловидную подложку. Именно в этот момент все три магнитометра одновременно подали короткий звуковой сигнал. Волков резко посмотрел на дисплей. ИМПУЛЬС: +0,31 мкТл. Длительность — меньше секунды.

— Зафиксировали? — спросил он.

— Все каналы, — ответила Мирская. — Максимум возле вскрытого участка.

Они замерли. Поверхность оставалась неподвижной.

Но кристаллические пластинки вокруг вскрытого участка начали медленно менять ориентацию. Процесс происходил настолько плавно, что его можно было заметить только по изменению отражений света. Серебристые блики постепенно складывались в тонкую дугу, окружающую повреждённый участок. Кравцов первым нарушил молчание:

— Скажите мне, что это всё ещё можно объяснить обычной минералогией.

Волков не сводил взгляда с медленно перестраивающихся кристаллов.

Волков перебирал возможные объяснения: поляризация, магнитная чувствительность, механическая связь между частицами. Ни одно пока не объясняло всю последовательность. Он поднял голову. Дуга медленно расширялась, хотя Кравцов уже отошёл от гребня. Одна частица поворачивалась следом за другой. Возникало впечатление, что изменение передаётся между соседними элементами.

— Останавливаемся, — сказал Волков.

Колонна замерла. Он опустил телеметрическую штангу и быстро открыл инженерное меню скафандра. На внутреннем дисплее появилась схема внешних модулей питания.

— Что ты собираешься делать? — спросил Кравцов.

— Проверить, реагирует ли поверхность на контролируемое электромагнитное воздействие.

Мирская сразу поняла замысел.

— Активный тест?

— Ограниченное поле. Начнём с параметров диагностической катушки.

Кравцов посмотрел на него, затем на Мирскую.

— Сначала разрешение, — сказал он. — Не после результата.

Волков передал схему и параметры на «Тантал». Седов разрешил короткую серию при неизменной амплитуде и потребовал остановиться при расширении зоны отклика. Волков закрепил диагностическую катушку на поверхности, а магнитометр вынес за пределы её непо-

средственного поля. Он вывел параметры на экран: частота: 1,0 Гц; амплитуда поля: 0,5 мкТл; длительность импульса: 5 секунд.

— Записываем все каналы, — сказал он. — Магнитный, электростатический, сейсмический и оптический.

— «Тантал», подтверждаете приём телеметрии? — спросила Мирская.

— Приём устойчивый, — ответил оператор. — Все данные пишутся в реальном времени.

— Начинаю тест. Три... два... один.

На индикаторе включился отсчёт времени. На дисплее побежала синусоидальная кривая. Первые две секунды ничего не происходило.

Затем верхний слой кристаллических пластинок вокруг катушки слегка потемнел — не из-за изменения цвета, а из-за того, что часть граней перестала отражать свет в сторону наблюдателей.

— Есть оптический отклик! — резко сказала Мирская.

Волков увеличил изображение. Пластинки действительно переориентировались. Причём не хаотично: они выстраивались концентрическими кольцами вокруг источника поля. Кравцов опустился рядом.

— Это уже не игра света.

Импульс закончился. Катушка замолчала. Несколько секунд поверхность оставалась неизменной, а затем кристаллы начали медленно возвращаться в исходное состояние. Волков быстро просмотрел запись.

— Время релаксации около двенадцати секунд.

— Как у материала с остаточной поляризацией, — заметила Мирская.

— Но пространственный рисунок нужно объяснить отдельно.

Он изменил параметры генератора.

— Второй тест. Частота 5 Гц.

Импульс начался. На этот раз реакция оказалась значительно слабее. Кристаллы дрогнули, но выраженной структуры не образовали.

— Отклик зависит от частоты, — сказал Волков. — На пяти герцах слабее.

— Проверь один герц две десятых, — предложила Мирская.

Именно такую частоту показывала фоновая модуляция магнитного поля. Волков ввёл новое значение: 1,2 Гц. Третий импульс начался почти незаметно. Реакция последовала мгновенно.

Серебристые блики побежали по поверхности во все стороны, словно по равнине прошла невидимая волна. Радиус отклика превысил пять метров — в несколько раз больше, чем при первом тесте. На дисплее одновременно вспыхнули предупреждения: ЭЛЕКТРОСТАТИЧЕСКИЙ РОСТ. ЛОКАЛЬНАЯ МАГНИТНАЯ АНОМАЛИЯ. МИКРОСЕЙСМИЧЕСКИЙ ОТКЛИК. Кравцов выпрямился.

— Прекратить эксперимент.

Волков отключил генератор. Пока ток падал, вокруг катушки проступили тонкие тёмные линии. Кристаллы повернулись ребром к свету. Линии соединились в шестиугольный узор диаметром около трёх метров. Импульс закончился. Узор остался. Никто не двигался. Мирская приблизила изображение, не подходя к катушке.

— После отключения сохраняется.

Волков не ответил. Он медленно провёл лазерным дальномером над узором. Ячейки имели близкие размеры. Разброс по данным профилометра не превышал двух миллиметров. Волков сохранил карту узора и исходные кадры: точность ещё предстояло проверить. В наушниках раздался возбуждённый голос оператора с «Тантала»:

— Поверхностной группе. Видим изменение отражения возле места испытания. Передайте координаты границ для сопоставления.

Волков отправил карту. Теперь изменение регистрировали и наземные приборы, и орбитальная оптика. Он присел рядом с узором и осторожно поднёс магнитометр. Прибор показал устойчивое локальное поле: +0,92 мкТл. Поле не исчезало. Поверхность словно запомнила воздействие.

— Андрей, мы изменили состояние поверхности, — сказала Мирская.

Она посмотрела на правильный шестиугольный узор, возникший на серой поверхности чужой планеты.

— Возможно, система восприняла воздействие как запрос.

— Возможно. Но пока у нас есть отклик материала, — ответил он.

Узор сохранялся уже почти три минуты. Для Волкова именно это было самым тревожным. Узор сохранялся после отключения поля. Материал удерживал новое состояние, и теперь нужно было выяснить, насколько оно устойчиво. Он вывел на дисплей временную диаграмму. Поле не ослабевало. Электростатический потенциал в центре узора оставался почти в четыре раза выше фонового.

— Нужно взять образец прямо из активной зоны, — сказала Мирская.

Кравцов мгновенно возразил:

— Сначала определим, безопасно ли вообще к нему приближаться.

— Тогда сначала дистанционно, — ответила Мирская.

Волков отправил на корабль запись испытания и запросил ограниченный отбор. Седов разрешил одну попытку манипулятором с прекращением при новом импульсе.

— Работаем по процедуре, — сказал он. — Дистанционный отбор, минимальный контакт, непрерывный мониторинг.

Он развернул небольшой роботизированный манипулятор размером с портативный геологический зонд. Устройство медленно выдвинуло углерод-керамический захват и приблизилось к центру шестиугольного узора. Как только захват коснулся поверхности, все датчики одновременно зарегистрировали короткий импульс. **МАГНИТНЫЙ СКАЧОК: +1,7 мкТл. ЭЛЕКТРОСТАТИЧЕСКИЙ ИМПУЛЬС: +3,2 кВ.** Манипулятор автоматически отдернул захват.

— Чёрт... — выдохнул Кравцов.

Волков быстро просмотрел запись.

— Максимум отклика в зоне касания.

— То есть она реагирует на механическое воздействие? — спросила Мирская.

— Пока видим реакцию на касание именно здесь. С контрольным участком сравним отдельно.

Он увеличил изображение центра.

В месте касания кристаллы снова начали перестраиваться. Процесс напоминал распространение напряжения в тонкой металлической сетке: ближайшие пластинки меняли ориентацию первыми, затем волна постепенно расходилась наружу.

— Это уже очень похоже на систему с локальными связями между элементами, — тихо сказала Мирская.

Волков почувствовал, как по спине проходит холодок. Поведение напоминало модели связанных элементов, с которыми он работал при расчёте распределённых систем. Но от сходства модели до объяснения этой равнины было ещё далеко. Они продолжили движение к точке «Альфа», однако теперь шли значительно медленнее.

Волков каждые сто метров останавливался и проводил короткое сканирование поверхности. Постепенно начала проявляться ещё одна закономерность.

Там, где кристаллический слой был тоньше, под ним обнаруживалась тёмная стекловидная основа с сетью почти параллельных каналов шириной около трёх сантиметров. Каналы

уходили под поверхность и сохраняли одинаковое направление на протяжении десятков метров.

— Похоже на следы охлаждения расплава, — предположил Кравцов.

Мирская покачала головой:

— Направление устойчивое. Зафиксируем, прежде чем выбрать объяснение.

Волков провёл лазерным профилометром вдоль одного из каналов. Результат появился через несколько секунд. ШАГ МЕЖДУ КАНАЛАМИ: $0,841 \pm 0,003$ м. Он молча показал данные Мирской. Она долго смотрела на цифры, затем произнесла:

— Ты понимаешь, что это означает?

— Что кто-то очень любит повторяющиеся размеры.

— Проверим, сохраняется ли этот шаг у разлома.

Сходство размеров стало отдельным пунктом журнала. Через полтора часа группа достигла точки «Альфа». Разлом оказался неглубоким — всего около двух метров, но его стенки позволяли увидеть строение поверхности в разрезе. Верхний кристаллический слой имел толщину примерно восемь сантиметров. Ниже располагалась плотная тёмная масса, напоминавшая вулканическое стекло. Однако самое интересное находилось ещё глубже.

В одной из стенок разлома проходила тонкая светлая прослойка толщиной около пяти миллиметров. Она тянулась горизонтально, не прерываясь на видимой длине разлома. Мирская осторожно очистила участок щёткой. Прослойка тускло блеснула.

— Металл? — спросил Кравцов.

— Не похоже.

Волков поднёс спектрометр. На экране появилась кривая с необычно выраженным пиком кремния и редкоземельных элементов, но без характерных признаков природного кварца.

— Нужно сравнить состав с верхним слоем, — сказал он. — И отдельно измерить проводимость.

Он установил контактные электроды и повторил измерение при нескольких положениях. Прибор на секунду задумался, затем выдал значение: 0,04 Ом·м. Все трое одновременно посмотрели друг на друга. Прослойка проводила значительно лучше поверхностного материала. Волков сохранил геометрию контактов вместе с результатом: без неё сравнение могло оказаться неверным. Мирская первой нарушила молчание:

— Андрей... если такие прослойки проходят под всей поверхностью, то верхний кристаллический слой может быть подключён к единой подповерхностной сети.

Волков медленно провёл рукой по краю разлома. Инженерная картина начала складываться сама собой: верхний слой — подвижные кристаллические элементы; нижний слой — плотная стекловидная основа; между ними — проводящая распределительная структура. Такая схема могла иметь функциональное назначение. Пока она оставалась гипотезой. В этот момент в наушниках раздался голос оператора «Тантала»:

— Поверхностной группе. Мы фиксируем слабое изменение магнитного фона в районе вашего разлома. Амплитуда растёт.

Волков опустил взгляд на стенку разлома. На светлой прослойке мелькнула короткая вспышка. Он ещё не знал, что именно они обнаружили. Он пометил время события и вызвал запись внешних камер. Теперь главное было проверить, связана ли прослойка с перестройкой верхнего слоя. Если связь подтвердится, исследования придётся планировать с учётом всей структуры, а не только свойств отдельных образцов.

Мерцание в глубине прослойки длилось меньше секунды. Но его увидели все трое.

Волков автоматически увеличил чувствительность оптического канала шлема. На дисплее появилась последовательность кадров: тусклая светлая линия в толще породы, затем короткая вспышка, распространяющаяся вдоль неё слева направо.

— Это не отражение, — тихо сказала Мирская.

— Подтверждаю, — ответил Волков. — Есть изменение яркости без изменения угла освещения.

Кравцов отступил на шаг от разлома.

— Может быть, пьезоэффект от температурного напряжения?

Волков уже сравнивал временные метки.

— Вспышка совпала с магнитным событием. Это ещё не определяет механизм, но даёт второй канал проверки.

Он запросил телеметрию корабля. Через несколько секунд пришёл пакет данных. ОРБИТАЛЬНЫЙ МАГНИТОМЕТР: фоновое значение: 18,3 мкТл. локальное отклонение над сектором Е-19: +0,12 мкТл. длительность события: 0,74 с. Событие действительно было реальным и синхронным. Волков отложил вывод и проверил временную привязку записей.

— Елена, если эта прослойка проводящая, а верхний слой связан с ней электрически, то мы можем проверить распространение сигнала.

— Локальный импульс вдоль линии? — сразу поняла Мирская.

— Очень слабый. Миллиамперы, не больше.

Кравцов тяжело вздохнул:

— Вы оба понимаете, что сейчас собираетесь подать ток в неизвестную инопланетную систему?

— Да, — ответил Волков. — Поэтому один ограниченный импульс, после согласования. Повторять без анализа не будем.

Он извлёк из набора два тонких контактных электрода и закрепил их на светлой прослойке на расстоянии двадцати сантиметров друг от друга. Система показала устойчивый контакт. Параметры теста: напряжение: 1,5 В; ограничение тока: 0,8 мА; длительность импульса: 0,2 с.

— «Тантал», параметры переданы. Запрашиваем разрешение на одиночный тест.

Седов выслушал доклад и разрешил один импульс. Регистрация была включена; контакты установлены дистанционно, группа отошла от стенки разлома. Волков на секунду задержал палец над сенсором запуска. Он проверил ограничение тока ещё раз. Параметры были привычными; неизвестной оставалась система, к которой они подключались. Он нажал запуск. Импульс ушёл в прослойку. Сначала ничего не произошло.

Затем тонкая светлая линия вспыхнула целиком — не в точке подачи тока, а сразу на всей видимой длине. В тот же момент поверхность вокруг разлома отреагировала.

Серые кристаллические пластинки одновременно повернулись одинаковой гранью к разлому. Эффект распространился кольцом радиусом несколько метров, словно под поверхностью прошла невидимая волна. Все датчики одновременно выдали предупреждения. МАГНИТНЫЙ ИМПУЛЬС: +2,4 мкТл. ЭЛЕКТРОСТАТИЧЕСКИЙ РОСТ: +5,8 кВ. МИКРОСЕЙСМИЧЕСКИЙ ОТКЛИК: 0,03 мм. Волков мгновенно отключил питание. Но реакция не прекратилась сразу.

Светлая прослойка ещё несколько секунд слабо светила, а затем медленно погасла. На поверхности осталась новая структура — длинные параллельные полосы, расходящиеся от разлома в направлении северо-востока. Мирская первой нарушила молчание:

— Реакция вышла далеко за область контактов, — сказала Мирская.

Волков смотрел на полосы. Они уходили за пределы видимого участка равнины, сохраняя одинаковый шаг и направление.

— При заданном ограничении мощность не больше 1,2 милливатта, — сказал Волков. — За две десятых секунды — не больше 0,24 миллиджоуля. Нужно сопоставить это с масштабом отклика.

Кравцов произнёс то, о чём все уже думали:

— Значит, наш импульс мог только запустить процесс?

— Или переключить уже напряжённое состояние. Источник энергии пока не установлен. Оператор «Тантала» вышел на связь почти сразу:

— Поверхностной группе, у нас серьёзное событие. Орбитальные датчики фиксируют распространение слабой магнитной аномалии от вашего сектора на северо-восток. Скорость фронта — примерно двести метров в секунду.

Волков почувствовал, как пересыхает во рту.

Это была скорость наблюдаемого фронта, а не установленная скорость передачи информации. Волков отметил, что механический и электромагнитный механизмы ещё нужно различить. Он снова посмотрел на разлом. Тонкая светлая прослойка теперь казалась не минеральной жилой, а частью огромной скрытой инфраструктуры. Инженерная картина, складывавшаяся в его голове, становилась всё более тревожной:

верхний слой — подвижная кристаллическая матрица; нижняя стекловидная кора — механическая основа; светлые прослойки — проводящие каналы передачи энергии или сигналов; наблюдаемый отклик распространяется за пределы места воздействия. Это было слишком похоже на распределённую сенсорную сеть. Мирская медленно поднялась и посмотрела на далёкий северо-восточный горизонт.

— Андрей, а что если тепловые аномалии, которые мы видели с орбиты, — это не источники энергии?

— Тогда что?

Она помолчала несколько секунд.

— Узлы.

Слово прозвучало неожиданно тяжело. Волков перевёл взгляд на карту местности.

Северо-восточное направление совпадало с ближайшей кольцевой тепловой аномалией, расположенной примерно в пятидесяти километрах от сектора посадки.

Волков сопоставил последовательность действий. Механическое вскрытие, поле катушки, электрический импульс — каждое воздействие оставляло новое состояние. Но означало ли это обмен сигналами, они ещё не знали. Сначала слабый внешний сигнал. Потом нарушение локальной структуры. Теперь — прямой электрический импульс в проводящую прослойку.

Волков медленно посмотрел на серую равнину, уходящую к далёкому мерцающему горизонту. Тишина по-прежнему оставалась полной. Волкову хотелось назвать происходящее пробуждением. Он удержался. Это слово слишком много объясняло и слишком мало позволяло проверить.

— Возвращаемся к «Арго-3», — сказал он.

Кравцов удивлённо посмотрел на него:

— Ты хочешь свернуть работу?

— Нет, — ответил Волков. — Я хочу вернуться, пока мы ещё уверены, что контролируем ситуацию.

Он бросил последний взгляд на светлую прослойку в стенке разлома.

Волков отправил на корабль последнее изображение разлома и карту распространявшегося отклика. Если гипотеза верна, под поверхностью действовала связанная структура, масштаб которой они пока не знали. Северо-восточное направление вело к кольцевой тепловой аномалии. Теперь она стала главным кандидатом на роль крупного узла. Экспедиция прибыла на RS-417 в поисках следов древней технологии.

Теперь Андрей Волков впервые всерьёз допустил мысль, что они столкнулись не с остатками давно погибшей цивилизации. А с действующей инженерной системой планетарного масштаба.

Глава 3. Резонанс

Обратный путь к «Арго-3» занял почти вдвое больше времени, чем переход к разлому. Никто не говорил без необходимости. Даже Кравцов, обычно не переносивший долгих пауз, ограничивался короткими командами проверки маршрута и контроля дистанции между членами группы. Андрей Волков шёл последним.

Волков просматривал записи у разлома. Короткий электрический импульс, вспышка прослойки, перестройка частиц, затем распространение отклика на северо-восток. Последовательность повторялась на экране, но яснее от этого не становилась. Чем больше он смотрел на данные, тем меньше они походили на результаты геологического исследования. Инженерная привычка требовала построить рабочую модель.

Но любая модель, которую он пытался сформулировать, приводила к слишком необычному выводу: поверхность RS-417 обладала свойствами распределённой активной среды. Впереди показался посадочный модуль.

На фоне серой равнины «Арго-3» выглядел почти чужеродным — компактная металлическая конструкция, окружённая концентрическими следами посадочных струй и тёмными пятнами переориентированных кристаллов.

— Внешний периметр без изменений, — доложил Кравцов.

Волков автоматически проверил магнитный фон. 18,6 мкТл. Чуть выше, чем при выходе.

— Фон продолжает расти, — сказал он.

Мирская остановилась у опоры и посмотрела на дугообразный рисунок, замеченный ещё после посадки автоматического модуля. Он всё ещё был виден. За время выхода он не исчез полностью.

— Материал сохраняет память состояния, — тихо произнесла она.

— Или поддерживается внешним полем, — ответил Волков.

Они вошли в шлюзовой отсек модуля.

Когда внешний люк закрылся, а насосы начали медленно повышать давление, Волков впервые почувствовал лёгкое облегчение. Толстые стенки «Арго-3» создавали иллюзию привычной инженерной среды, где любой процесс можно измерить, локализовать и при необходимости отключить. Но лежащие в контейнерах образцы уже не позволяли воспринимать происходящее как обычную полевую работу.

Через сорок минут мобильная лаборатория была полностью развернута.

В лаборатории имелись электронный микроскоп, дифрактометр, масс-спектрометр и установки для электрических и магнитных измерений. Контейнеры открывали только в изолированной камере. Волков поместил под микроскоп материал, собранный возле посадочной опоры. Контейнеры с остальными образцами оставались закрытыми. Изображение появилось на общем экране. Даже Мирская невольно подалась вперёд.

Отдельная кристаллическая пластинка напоминала тончайшую металлическую фольгу с идеально ровными гранями. Но самое необычное находилось на её поверхности. На поверхности виднелись регулярные параллельные каналы шириной около сорока нанометров.

— Необычно регулярный рисунок, — сказала Мирская.

Волков увеличил изображение ещё сильнее. Каналы пересекались под строго определёнными углами, образуя повторяющуюся шестиугольную сетку.

— Нужно проверить, связаны ли эти каналы с проводимостью.

Кравцов скептически хмыкнул:

— Ты сейчас говоришь о технологии?

Волков не ответил сразу. Он вывел несколько участков образца рядом, чтобы сравнить структуру.

— Сходная геометрия на разных участках. Для объяснения нам понадобится больше, чем сравнение с одним знакомым минералом.

Мирская медленно кивнула.

— Согласна.

По согласованной программе сначала проверили электрические свойства. Волков установил ограничение тока, чтобы измерение не перегрело образец. Образец поместили между двумя микроконтактами. Волков задал минимальное тестовое напряжение — 0,1 В. Прибор показал отношение напряжения к току: 3,2 Ом. Он увеличил напряжение до 0,5 В. Отношение напряжения к току составило 1,9 Ом.

— Нелинейная проводимость, — пробормотал он.

— Как у полупроводника?

— Или у материала с полевым управлением проводящего канала.

Он построил график зависимости тока от напряжения. Кривая получилась отчётливо неомической. Мирская некоторое время изучала её, затем спросила:

— Что если попробовать внешнее магнитное поле?

Волков включил катушку анализатора. Дополнительное поле у образца составляло 0,3 мкТл. Показания изменились мгновенно. Сопротивление упало почти вдвое. Кравцов выругался уже без всякого удивления.

— И для такого изменения достаточно небольшой добавки к фону?

— Именно это меня и беспокоит, — сказал Волков.

Он выключил поле. Сопротивление медленно вернулось к исходному значению, но процесс занял около двадцати секунд. Образец возвращался к прежнему состоянию с задержкой. Нужно было проверить, связана ли она с самим материалом, контактами или нагревом. Связь с «Танталом» восстановили по высокоскоростному каналу. На экране появился капитан Седов.

— Докладывайте.

Мирская кратко изложила результаты. Седов слушал молча, лишь изредка поглядывая на появившиеся рядом графики и микрофотографии. Когда доклад закончился, он спросил:

— Ваш предварительный вывод?

Мирская посмотрела на Волкова. Тот несколько секунд молчал. Он понимал, что сейчас придётся сформулировать гипотезу, которая прозвучит почти невероятно.

— Материал проводит ток, меняет электрические свойства при воздействии поля и сохраняет изменённое состояние некоторое время. На поверхности похожие эффекты распространяются между участками. Возможна связанная активная среда.

На экране повисла пауза. Седов медленно произнёс:

— Ты предлагаешь модель распределённой системы?

— Да.

— Планетарного масштаба?

Волков посмотрел на карту северо-восточных аномалий.

— Пока это только рабочая гипотеза.

Капитан некоторое время молчал, затем сказал:

— Продолжайте по согласованной программе. Новые активные испытания — только после отдельного разрешения.

Связь прервалась. В лаборатории снова воцарилась тишина. Волков устало потёр глаза.

На соседнем столе лежал биомедицинский модуль экипажа — компактный диагностический блок, который использовался для контроля состояния космонавтов во время длительных перелётов. К его корпусу были подключены стандартные ЭЭГ-электроды. Мирская заметила его взгляд.

— О чём ты думаешь?

Волков некоторое время колебался.

— Помнишь первые колебания после посадки «Арго-3»?

— Интервал около восьми десятых секунды.

— А потом фоновую модуляцию поверхности — примерно одна целая две десятых герца.

Мирская нахмурилась.

— Частоты близки к некоторым медленным компонентам биосигналов. Но это ещё не указывает на связь.

— Поэтому проверим сложный сигнал, а не только совпадение частот.

Он подошёл к биомедицинскому модулю и положил ладонь на его корпус.

— Все наши предыдущие тесты использовали простые технические сигналы: синусоиды, постоянные поля, короткие импульсы.

— Ты хочешь попробовать биосигнал?

Волков медленно кивнул. Кравцов резко поднял голову:

— Нет. Даже не начинайте.

— Это активное испытание с ограниченной амплитудой, — ответил Волков. — ЭЭГ запишем через изолированный канал. На образец подадим её копию через отдельный усилитель. Обратного электрического подключения к человеку не будет.

Он сам удивился тому, насколько естественно прозвучала эта фраза. Ещё сутки назад подобное предположение показалось бы ему чистой фантастикой. Теперь же оно выглядело логичным следующим экспериментом.

Мирская составила программу контрольных сигналов. Седов разрешил ограниченную серию: запись ЭЭГ, синусоида и искусственный сигнал той же мощности. Любое изменение состояния участника означало немедленное прекращение. Тонкая пластинка неподвижно поблёскивала в свете лабораторных ламп. Но после всего, что они увидели на поверхности RS-417, эта неподвижность уже не внушала спокойствия.

Она внушала ощущение, что материал ждёт следующего сигнала. После проверки развязки Волков включил диагностический модуль. На экране появилась его электроэнцефалограмма. Лаборатория «Арго-3» стала тесной.

Не физически — места внутри модуля хватало для трёх человек и оборудования, — а психологически. После возвращения с поверхности металлические стены, ровный свет панелей и знакомый гул систем жизнеобеспечения должны были создавать ощущение безопасности. Вместо этого они лишь подчёркивали, насколько необычные данные лежат сейчас на рабочих столах. На центральном экране медленно прокручивалась электроэнцефалограмма Волкова.

На записи выделялся ритм около 9,8 Гц.

Ниже просматривались медленные колебания в области 1,1–1,3 Гц. Их происхождение требовало отдельной проверки: в запись могли попадать движение, дыхание и другие помехи.

— Сразу предупреждаю, — сказал Волков, — это не эксперимент по чтению мыслей.

— Очень успокаивает, — буркнул Кравцов.

Мирская, напротив, выглядела сосредоточенной.

— Проверяем реакцию на структуру сигнала, — уточнила Мирская. — Его биологическое происхождение само по себе ничего не доказывает.

Волков подключил выход ЭЭГ-модуля к экранированному усилителю, а затем — к миниатюрной индукционной катушке, расположенной рядом с кристаллическим образцом. Схема была предельно осторожной: сигнал ЭЭГ → буферный усилитель; усиление и фильтрация в пределах согласованной программы; максимальная амплитуда магнитного поля у образца — 0,05 мкТл. Это было в десять раз слабее, чем импульс, вызвавший шестиугольный узор на поверхности.

— Запускаю первую запись, — сказал Волков.

На экране появились две кривые: канал А — электроэнцефалограмма; канал В — магнитный отклик образца. Первые двадцать секунд ничего не происходило. Кравцов демонстративно скрестил руки на груди.

— Похоже, человеческий мозг всё-таки не центр Вселенной.

Волков уже собирался согласиться, когда Мирская резко наклонилась к экрану.

— Подожди... Увеличь масштаб по времени.

Он выделил участок записи. На магнитном канале появились едва заметные колебания с частотой около 1,2 Гц — именно в том диапазоне, который они наблюдали на поверхности.

— Это может быть наводка от усилителя, — сказал Волков, хотя сам уже не верил в такое объяснение.

Он отключил вход ЭЭГ. Колебания исчезли. Снова подключил — появились. Кравцов перестал шутить.

— Повтори ещё раз.

Волков выполнил пять циклов. Отклик появлялся при подаче записи и исчезал после отключения. Само по себе это ещё не исключало влияние передающего тракта. Но самое странное обнаружилось позже. Волков переключил усилитель на режим генерации обычной синусоиды той же частоты и амплитуды. Отклик практически исчез. Мирская медленно произнесла:

— Материал реагирует не просто на частоту.

— А на структуру сигнала.

ЭЭГ человека представляла собой не чистую волну, а сложный набор модулированных колебаний с постоянно меняющейся фазой и спектром. И кристалл каким-то образом отличал этот сигнал от идеально регулярной синусоиды. Волков вывел оценку корреляции между каналами. На экране появилась цифра: 0,73. Значение требовало проверки на независимых записях и с учётом фильтрации.

Он почувствовал, как внутри нарастает знакомое инженерное возбуждение — то состояние, когда невозможный результат начинает повторяться достаточно уверенно, чтобы перестать быть ошибкой измерения.

— Елена, смотри на задержку.

Мирская быстро построила временную диаграмму.

— Отклик отстаёт примерно на 0,18 секунды.

— Есть задержка. Нужно проверить динамику усилителя, фильтров и измерительного канала.

Простая синхронная наводка уже не объясняла запись целиком. Но задержка сама по себе ещё не доказывала обработку информации образцом. Кравцов нахмурился:

— Вы хотите сказать, что эта штука обрабатывает сигнал?

Никто не ответил сразу. Волков медленно провёл рукой по краю стола. Слово «обрабатывает» звучало слишком смело. Пока установили главное: отклик на сложную запись отличался от отклика на синусоиду той же частоты и мощности. Он снова посмотрел на тонкую кристаллическую пластинку под микроскопом. Предположение о функциональной структуре стало убедительнее. Природу этой функции они ещё не знали. Мирская предложила следующий шаг:

— Нужно проверить, зависит ли эффект от состояния мозга.

— Как именно?

— Сравнить расслабленное состояние и целенаправленную концентрацию.

Кравцов тяжело вздохнул:

— Прекрасно. Теперь вы собираетесь медитировать с инопланетным камнем.

Несмотря на напряжение, Волков невольно усмехнулся.

— Не медитировать. Создать контролируемое изменение спектра ЭЭГ.

Он сел перед модулем и закрыл глаза.

Дыхание постепенно выровнялось. Многолетняя работа с аварийными энергетическими системами научила его быстро входить в состояние сосредоточенного спокойствия: минимум лишних мыслей, максимум внимания к параметрам. Через минуту альфа-ритм на экране заметно усилился. И в тот же момент магнитный отклик кристалла вырос почти вдвое. Мирская молча показала на дисплей. КОРРЕЛЯЦИЯ: 0,81. Волков открыл глаза.

— Связь усилилась. Проверим на следующей независимой записи.

— И сохраним все настройки, — добавила Мирская.

Кравцов подошёл ближе к экрану.

— Может быть, усилитель сам меняет режим работы при изменении сигнала?

Волков подал искусственный шумовой сигнал той же мощности. Отклик исчез. При возврате к записи ЭЭГ отклик снова появился. Лаборатория погрузилась в тяжёлое молчание. Связь с «Танталом» включили только после завершения серии проверок. Капитан Седов выслушал доклад, не перебивая. Когда Волков закончил, капитан спросил:

— Насколько вы уверены в результатах?

— В воспроизводимости — высоко. В интерпретации — пока осторожно.

— Сформулируй максимально нейтрально.

Волков глубоко вдохнул.

— Образец по-разному реагирует на исследованные сложные записи и контрольные сигналы. Данных недостаточно, чтобы утверждать, что он отличает живой мозг от генератора.

Седов некоторое время молчал.

— Иными словами?

Волков посмотрел на медленно бегущую кривую собственной электроэнцефалограммы.

— Нам нужно проверить воспроизведение точно той же записи и расширить набор контрольных сигналов.

Даже через экран было видно, как капитан напрягся.

— Подготовьте протокол. До его согласования испытания с участием экипажа не продолжать.

Он сделал короткую паузу.

— Андрей, ты понимаешь, что если ваши данные подтвердятся, то мы имеем дело не просто с древней технологией?

Волков медленно кивнул. Да. Он уже понимал. Человеческая запись могла оказаться удобным входным паттерном для неизвестной системы. Но это не означало, что система распознавала человека. После завершения сеанса Волков отключил ЭЭГ-модуль и некоторое время сидел неподвижно. Кристаллический образец лежал под микроскопом так же спокойно, как и раньше. Но теперь Андрей Волков смотрел на него совершенно иначе.

Он сохранил исходные сигналы отдельно от обработанных. Будущий вывод должен был выдержать проверку без настроек, выбранных под желаемый результат. Ночь на RS-417 наступала почти незаметно.

Планета вращалась медленно, и местное солнце лишь постепенно опускалось к горизонту, превращая серую равнину за иллюминаторами «Арго-3» в бесконечное поле холодных серебристых бликов. Внутри модуля освещение автоматически перешло в вечерний режим. Кравцов ушёл проверять внешние системы и состояние посадочных опор. Мирская осталась в лаборатории, просматривая спектральные данные образцов.

Волков сидел перед центральной консолью и впервые за много часов позволил себе не анализировать графики. Это продолжалось меньше минуты. Затем он снова открыл запись эксперимента с ЭЭГ. Слишком многое в ней не укладывалось в привычную картину мира. Он сравнил ритмы образца с записью ЭЭГ и прежней телеметрией поверхности.

В диапазоне 0,8–1,5 Гц обнаружилось сходство отдельных компонентов. Поверхностная запись относилась к другому времени; прямую синхронность по такому сравнению установить было нельзя. Он быстро построил упрощённую схему: мозг → низкочастотный сложный спектр → кристаллическая матрица → подповерхностная сеть → удалённый отклик. Схема выглядела безумно. Он обозначил стрелки как предполагаемые связи.

— Ты опять разговариваешь с графиками? — раздался голос Мирской.

Она подошла с двумя пакетами регидратированного кофе — единственной роскошью, которую экипаж разрешал себе в дальних экспедициях. Волков взял пакет и молча показал ей экран. Мирская долго изучала наложенные кривые.

— Возможно, образец подстраивается под сигнал, — сказала Мирская.

— Это слишком сильное утверждение.

— Согласна. Но посмотри на фазовый сдвиг. Он уменьшается после первых тридцати секунд контакта.

Волков уже заметил это, но не хотел произносить вслух. Действительно, в начале эксперимента задержка составляла около 0,18 секунды, а к концу серии уменьшилась до 0,11 секунды. Это могло отражать подстройку образца или переходный режим аппаратуры. Он медленно произнёс:

— Если бы это был искусственный сенсорный комплекс, я бы сказал, что он выполняет процедуру захвата сигнала.

Мирская поставила кофе на стол.

— Андрей, мы должны обсудить ещё одну вещь.

— Какую?

— Почему сложный паттерн действует сильнее синусоиды?

Волков некоторое время молчал. Ответ, который напрашивался, был слишком очевиден.

— Возможно, у материала несколько связанных временных масштабов. Биологический сигнал лишь один из способов их возбудить.

Мирская не стала спорить. В этот момент в лабораторию вошёл Кравцов. Лицо у него было напряжённым.

— У нас проблема.

Волков сразу поднялся.

— Что случилось?

— Я проверял внешний периметр. Следы, которые мы оставили при возвращении... они изменились.

Через минуту все трое уже смотрели на изображение с внешней камеры. Следы экипажа действительно выглядели иначе. Когда они возвращались к модулю, отпечатки были обычными — углубления в слое кристаллических чешуек. Теперь вдоль их границ появились тонкие параллельные полосы, ориентированные в одном направлении. Волков увеличил изображение.

Полосы располагались не хаотично. Они образовывали слабую сетчатую структуру, соединяющую отдельные следы между собой.

— Когда ты это заметил? — спросил он.

— Минут десять назад. Сначала подумал, что это артефакт камеры.

Волков быстро сравнил запись, сделанную при входе в шлюз. Тогда полос не было. Значит, изменение произошло после возвращения группы внутрь модуля. Мирская тихо произнесла:

— Поверхность продолжает перестраиваться даже без нашего присутствия.

Кравцов мрачно добавил:

— И, похоже, использует наши следы как опорные точки.

Они вышли в шлюзовую камеру, но внешний люк открывать не стали. Через прозрачное бронестекло полосы были видны ещё отчётливее. Серые кристаллические пластинки вдоль следов повернулись одинаковым образом, создавая слабый контрастный рисунок. Волков включил лазерный дальномер. Шаг между полосами оказался почти постоянным: 4,8 мм. Он провёл ещё несколько измерений. Разброс не превышал 0,2 мм.

Для случайного перераспределения микрочастиц такая регулярность была практически невозможна.

— Это уже напоминает процесс самоорганизации, — сказал он.

— Или реконфигурации сети, — ответила Мирская.

Кравцов посмотрел на них обоих:

— Вы понимаете, что звучите так, будто обсуждаете живую систему?

Волков покачал головой.

— Живую — не обязательно. Но активную — безусловно.

Он не сводил взгляда с полос, соединяющих их следы. Внезапно ему пришла в голову новая мысль.

— Елена, покажи карту наших перемещений.

Мирская быстро вывела трек группы. Они наложили трек группы на изображения. Изменения пока были заметны в следах людей, но не возле отпечатков сервисного робота. В шлюзе повисла тяжёлая тишина. Кравцов первым произнёс то, чего оба учёных старались пока не формулировать:

— Значит, есть различие между нашими следами и машинными?

Волков почувствовал, как внутри всё холодеет. Следы робота не вызывали перестройки. Следы людей — вызывали. Причина оставалась неясной: различались нагрузка, температура, работа скафандров и присутствие человека. Механическое объяснение ещё не было исключено. Для проверки понадобились сопоставимые условия. Он медленно закрыл внешний обзорный экран. Внутри «Арго-3» снова стало тихо. Но теперь эта тишина воспринималась иначе.

Где-то за тонкой металлической стенкой лежала серо-чёрная равнина, покрытая триллионами микроскопических кристаллов. Они реагировали на электрические импульсы. Запоминали внешние воздействия. Перестраивали собственную структуру. Избирательность отклика требовала контрольных опытов. Волков вернулся к центральной консоли и открыл новый файл журнала экспедиции. Некоторое время он смотрел на пустую строку, затем медленно набрал:

Предварительное заключение №17. Кристаллическая матрица RS-417 демонстрирует различный отклик на исследованные воздействия. Связь с присутствием живого человека не установлена. Он остановился. Эта фраза выглядела слишком осторожной по сравнению с тем, что они только что увидели. Но инженер внутри него всё ещё сопротивлялся более смелому выводу. Пока не будут получены новые данные. Пока не проведены контрольные эксперименты.

Пока не исключены все известные физические механизмы.

И всё же, сохраняя запись, Андрей Волков уже понимал: граница между исследованием чужой технологии и первым контактом с иной формой организованной материи стала опасно тонкой. Журнал экспедиции сохранился автоматически. Строка с пометкой «Предварительное заключение №17» ещё несколько секунд светилась на экране, прежде чем система перенесла её в архив миссии. Волков закрыл файл.

— Нам нужны контрольные данные, — сказал он. — Иначе мы очень быстро начнём видеть закономерности там, где их нет.

Кравцов усмехнулся без особого веселья:

— После сегодняшнего дня меня больше пугает обратное.

Мирская уже разворачивала новую схему эксперимента.

— Согласно с Андреем. Если поверхность действительно реагирует избирательно, мы должны проверить какой именно фактор является ключевым.

Она вывела согласованный с Седовым план: пустой работающий скафандр с балластом, робот с сопоставимой нагрузкой и человек с отключёнными необязательными модулями. Температуру внешних поверхностей и режим питания записывали отдельно.

— Если после этих проверок различие сохранится, будем искать следующий фактор, — сказал Волков.

— Или гораздо хуже, — заметил Кравцов.

Первым решили проверить пустой скафандр. Резервный скафандр вывели дистанционно. Внутри разместили балласт, воспроизводящий нагрузку на грунт, и включили согласованный режим оборудования. Внешние камеры передавали чёткое изображение. Серые кристаллические чешуйки вокруг скафандра оставались неподвижными. Пять минут. Десять. Никаких изменений.

— На этом участке перестройки нет, — зафиксировала Мирская.

Следующим этапом наружу вывели сервисного робота. Машина прошла по поверхности короткий маршрут, оставив такие же механические отпечатки, как человек. Через пятнадцать минут следы робота выглядели абсолютно обычными. Ни параллельных полос. Ни переориентации кристаллов. Кравцов медленно покачал головой:

— Для этих условий механической нагрузки оказалось недостаточно.

Волков почувствовал, как внутри нарастает неприятное ощущение неизбежности. Каждый отрицательный контрольный тест усиливал их основную гипотезу. Оставался самый рискованный вариант. Мирская посмотрела на Волкова:

— Проверяем выход человека по согласованной программе?

Он некоторое время молчал. Режим выхода уже обсудили с капитаном. Теперь нужно было решить, готовы ли они выполнить его после отрицательных контрольных испытаний.

— Работаем максимально осторожно, — сказал он. — Только один человек. Остальные остаются внутри и ведут непрерывный мониторинг.

— Я пойду, — сразу заявил Кравцов.

Волков покачал головой:

— Нет. Если что-то произойдёт, мне нужно понимать параметры системы в реальном времени. Идти должен тот, кто знает, какие данные мы ищем.

Кравцов хотел возразить, но Мирская неожиданно поддержала Волкова:

— Он прав.

Подготовка заняла почти сорок минут. Волков отключил все необязательные электронные модули скафандра: внешний диагностический передатчик; резервный магнитометр; персональный вычислительный блок; даже внутренний развлекательный интерфейс. В активном состоянии остались только: система жизнеобеспечения; связь; аварийный маяк минимальной мощности.

— Так уменьшим число технических источников, — сказал он. — Полностью исключить оборудование пока не сможем.

Кравцов проверил герметичность замков.

— Мне всё это не нравится.

— Мне тоже.

Внешний люк открылся. Холодный серый свет RS-417 снова заполнил шлюз. Волков медленно вышел на поверхность и остановился в трёх метрах от модуля. Первые тридцать секунд ничего не происходило. Поверхность оставалась неподвижной. Волков уже начал надеяться, что предыдущие эффекты действительно были связаны с активной аппаратурой, когда в наушниках раздался голос Мирской:

— Андрей... не двигайся.

— Что у вас?

Ответ последовал не сразу.

— Вокруг твоих следов начинается переориентация верхнего слоя.

Волков медленно опустил взгляд. Сначала он ничего не увидел. Потом заметил едва различимое изменение отражений света. Кристаллические пластинки вдоль отпечатков его ботинок действительно поворачивались, образуя знакомые тонкие параллельные полосы. Но теперь происходило нечто новое. Полосы появлялись не только в следах.

Они медленно формировались вокруг самого Волкова, образуя слабую концентрическую структуру радиусом около полутора метров.

— Магнитный фон растёт, — сообщила Мирская. — Плюс ноль целых шесть десятых микротесла.

— Электростатика?

— Тоже растёт. Очень плавно.

Волков стоял неподвижно, стараясь не делать резких движений. Тишина планеты внезапно стала почти физически ощутимой.

Он видел, как серебристые блики медленно смещаются по поверхности вокруг него, словно невидимое поле перестраивает ориентацию миллионов микроскопических пластинок.

— Андрей, твой пульс участился, — сказал Кравцов.

Волков только сейчас заметил это. Сердце действительно билось быстрее. И в тот же момент Мирская резко произнесла:

— Усиление реакции! Радиус уже два метра.

Волков заставил себя сделать несколько медленных вдохов. Он сознательно сосредоточился на ровном дыхании, пытаясь успокоить сердечный ритм. Прошло несколько секунд.

— Интересно... — тихо сказала Мирская. — Рост почти остановился.

Волков замер.

— Повтори.

— Когда ты начал успокаиваться, скорость перестройки поверхности резко уменьшилась.

Кравцов вмешался:

— То есть эта штука реагирует на физиологическое состояние человека?

Никто не ответил. Наблюдаемая связь требовала повторения: вместе с пульсом менялись дыхание, движение и другие параметры. Волков медленно вернулся в шлюз. Как только внешний люк закрылся, Мирская вывела на экран объединённую запись эксперимента. Три кривые шли почти синхронно: частота сердечного ритма; медленные компоненты ЭЭГ; интенсивность перестройки кристаллического слоя. Корреляция оказалась пугающе высокой.

В лаборатории воцарилась тяжёлая тишина. Наконец Волков произнёс:

— Фиксируем совпадение изменений. Причинный механизм пока не установлен.

Кравцов посмотрел на экран, где ещё сохранялось изображение концентрических структур вокруг фигуры Волкова.

— А если перевести это с инженерного на человеческий?

Волков некоторое время молчал. Потом тихо ответил:

— Тогда получается, что планета не просто замечает наше присутствие.

Он вспомнил медленно перестраивающиеся кристаллы вокруг собственных ног.

— Она реагирует на наше состояние.

За тонкими стенками «Арго-3» серо-чёрная равнина RS-417 оставалась неподвижной и безмолвной. Волков всё ещё не знал, какой фактор различала поверхность. Но простой контроль с пустым скафандром не воспроизвёл наблюдение. И теперь он гораздо острее ощущал цену следующего опыта. После эксперимента никто не спешил говорить.

Мирская молча сохраняла записи в отдельный защищённый архив. Кравцов сидел у обзорного экрана, наблюдая за неподвижной серой равниной так, словно ожидал увидеть там движение. Волков снова и снова просматривал временные диаграммы. Чем дольше он анализировал данные, тем отчётливее видел одну странность: поверхность реагировала не мгновенно, а с небольшой, но устойчивой задержкой.

Это означало, что между биосигналом человека и перестройкой кристаллов существовал промежуточный процесс.

— Елена, посмотри на спектральный анализ, — сказал он.

Мирская подошла к консоли. Волков вывел трёхмерную диаграмму частот.

— Вот сердечный ритм — около 1,3 Гц. Вот медленные компоненты ЭЭГ. А вот отклик поверхности.

Он выделил участок записи.

— Видишь дополнительный пик?

Мирская прищурилась.

— 7,8 герца?

— Да.

Она быстро сверилась с другими файлами.

— Повторяется в разных записях, — сказала Мирская. — Проверим, как этот компонент связан с остальными.

Волков почувствовал, как внутри снова появляется знакомое инженерное возбуждение. Волков отметил частоту 7,8 Гц в общей схеме. Приписывать ей особое значение только из-за близости к знакомым диапазонам было рано. Кравцов посмотрел на схему и нахмурился:

— И что это означает?

Волков ответил не сразу.

— Пока только то, что система выделяет не одну частоту, а целый набор связанных колебаний.

— То есть?

— Представь себе не обычный радиоприёмник, а устройство, которое анализирует структуру спектра. Сердечный ритм может служить маркером присутствия живого организма, а более высокие компоненты — источником дополнительной информации.

Кравцов скептически покачал головой:

— Ты всё больше говоришь о каком-то анализаторе сигналов.

Волков посмотрел на лежащий под микроскопом кристалл.

— Потому что такая модель сейчас объясняет часть наблюдений. Проверим, выдержит ли она новые данные.

В этот момент с «Тантала» пришёл срочный пакет телеметрии. На экране появилось сообщение: ОРБИТАЛЬНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ №44. Зафиксировано изменение отражательной способности поверхности в секторе Е-19. Мирская быстро открыла изображение. Это был снимок, сделанный орбитальным телескопом в многоспектральном режиме. Вокруг посадочного модуля действительно просматривалась слабая сеть более тёмных линий.

Но самое тревожное находилось дальше. От сектора посадки к северо-востоку тянулась тонкая цепочка контрастных участков, словно поверхность постепенно перестраивалась вдоль невидимого канала. Волков увеличил масштаб. Расстояние между участками составляло примерно четыре километра.

— Похоже на ретрансляционные узлы, — пробормотал он.

Кравцов резко повернулся:

— Только не начинай снова про планетарную сеть.

Но Мирская уже строила карту. Через минуту она наложила новые данные на орбитальную схему тепловых аномалий. Все контрастные участки лежали на одной линии, ведущей к ближайшему кольцевому узлу. В лаборатории снова стало тихо.

— Если это действительно связанная структура, — медленно сказала Мирская, — то наши эксперименты могли запустить распространяющийся процесс синхронизации.

Волков почувствовал неприятный холодок. Они прибыли сюда как исследователи. Сопоставление показывало, что их действия сопровождались изменениями далеко за пределами места опыта. нарушили локальную структуру поверхности; подали электромагнитный импульс; подключились к подповерхностной проводящей сети; использовали биологический сигнал человека.

С точки зрения неизвестной системы это могло выглядеть как последовательность всё более сложных попыток связи. Капитан Седов вышел на связь почти сразу после получения новых снимков. На экране его лицо выглядело заметно более напряжённым, чем раньше.

— Я только что просмотрел орбитальные данные, — сказал он. — Объясните мне одну вещь: почему изменения поверхности распространяются от вашего сектора, а не возникают случайно по всей планете?

Никто не ответил сразу. Потому что честный ответ был очевиден: они не знали. Седов продолжил:

— Советую вам рассмотреть ещё одну гипотезу.

— Какую? — спросил Волков.

Капитан сделал короткую паузу.

— Что система RS-417 может находиться не в активном рабочем режиме, а в состоянии длительного ожидания. И ваши сигналы совпали с условиями её повторной активации.

Эти слова прозвучали гораздо тяжелее, чем любые предыдущие предположения. После завершения сеанса связи Волков долго смотрел на орбитальный снимок. Тонкая цепочка изменённых участков уходила к северо-восточному горизонту, к далёкому кольцевому узлу, скрытому за кривизной планеты. Он вдруг вспомнил старые энергосистемы, с которыми работал ещё на Земле.

Эта аналогия помогала сформулировать проверку: порядок включения узлов следовало сравнить с независимой записью времени экспериментов. Эта аналогия оказалась настолько пугающе естественной, что Волков невольно выпрямился.

— Елена...

— Да?

— А что если мы всё время неправильно ставим вопрос?

Мирская внимательно посмотрела на него. Волков медленно указал на цепочку активирующихся участков поверхности.

— Может быть, мы спрашиваем: «Что это за система?»

Он сделал паузу.

— А нужно спрашивать: «Какую функцию она должна была выполнять?»

За обзорным экраном неподвижно лежала серо-чёрная равнина RS-417.

Но теперь Андрей Волков всё яснее ощущал, что под этим безмолвным кристаллическим покровом начинает разворачиваться процесс, который мог не происходить миллионы лет. И, возможно, именно люди с корабля «Тантал» только что стали его причиной. Никто не стал спорить с последним вопросом Волкова. Вопрос о назначении был полезен, если не превращать предполагаемую функцию в доказанный факт. Он снова открыл запись эксперимента с ЭЭГ.

Внезапно его внимание привлекла деталь, которую они раньше не заметили.

Непосредственно перед усилением отклика поверхности в сигнале появлялся короткий всплеск в диапазоне 7,8 Гц — тот самый устойчивый пик, который присутствовал во всех ключевых событиях.

— Елена, увеличь этот участок.

Мирская выполнила команду. Теперь было видно, что пик возникает до изменения магнитного фона поверхности примерно на 0,6 секунды. Волков почувствовал, как по спине проходит холодок.

— Посмотри на порядок событий.

— Что ты увидел?

Он медленно указал на экран.

— Мы считали, что 7,8 Гц — это часть отклика системы.

Мирская несколько секунд смотрела на диаграмму, затем её глаза расширились.

— А если это не отклик...

Волков закончил за неё:

— ...а сигнал, который приходит от самой системы перед её реакцией.

Кравцов подошёл ближе:

— Подождите. Вы хотите сказать, что поверхность сначала посылает сигнал, а потом перестраивается?

Волков быстро проверил остальные записи. Разлом. Шестиугольный узор. Эксперимент с выходом на поверхность. Во всех случаях короткий всплеск 7,8 Гц действительно появлялся непосредственно перед активной фазой перестройки. Это требовало пересмотра прежней схемы. До этого момента они рассматривали RS-417 как пассивную среду, реагирующую на внешние воздействия. Теперь возникала гораздо более тревожная возможность. Система могла:

обнаруживать внешний сигнал; генерировать собственный синхронизирующий импульс; перестраивать локальную кристаллическую матрицу; передавать информацию дальше по сети. То есть она вела себя не как материал. Возможно, перед перестройкой проходил управляющий или синхронизирующий импульс. Волков медленно откинулся на спинку кресла. За стенками «Арго-3» всё ещё лежала неподвижная серо-чёрная равнина.

Но теперь он почти физически ощущал скрытую под ней гигантскую структуру — сеть узлов, каналов и кристаллических матриц, которая после бесконечно долгого молчания начала выполнять последовательность операций, удивительно похожую на процедуру установления контакта. И где-то далеко на северо-востоке, в районе кольцевой тепловой аномалии, возможно, находился узел, который уже получил сообщение о появлении людей на RS-417.

— Нам нужно получить больше данных о самом сигнале.

— Согласен.

Волков вывел на экран увеличенный фрагмент записи. Импульс длился всего 0,64 секунды и представлял собой не чистую синусоиду, а короткий пакет колебаний с плавно изменяющейся амплитудой.

— Это похоже на модулированный маркер синхронизации, — сказал он.

Кравцов скептически поднял бровь:

— Ты уже разговариваешь с планетой как с компьютером.

— Пока я разговариваю с данными.

Следующие два часа ушли на детальный анализ сигнала. Мирская запустила спектральное разложение, а Волков построил временную структуру импульса. Результат оказался неожиданным. Пакет 7,8 Гц содержал внутри себя более быстрые компоненты: 7,8 Гц — базовый ритм; 15,6 Гц — вторая гармоника; 31,2 Гц — слабая четвёртая гармоника.

Но самое странное заключалось в другом: отношение амплитуд между гармониками оставалось почти неизменным во всех зарегистрированных событиях.

— Форма пакета воспроизводится, — сказала Мирская.

Волков кивнул. Повторяемость позволяла искать устойчивый источник. Она ещё не устанавливала искусственное происхождение сигнала. Кравцов подошёл к экрану.

— Хорошо. Допустим, это действительно искусственный сигнал. Что он означает?

В этот момент с «Тантала» пришёл новый пакет орбитальных данных. Рейн подключился к конференции сразу же после получения информации.

— У нас ещё одно изменение, — сказал он без предисловий.

На экране появилась обновлённая карта поверхности. Цепочка активированных участков теперь состояла уже из семи узлов и тянулась почти на тридцать километров в сторону кольцевой аномалии. Но главное было не это. Последний активный участок имел форму почти правильного шестиугольника диаметром около трёхсот метров. Волков резко выпрямился.

— Покажи увеличение.

Рейн выполнил команду. Структура действительно напоминала гигантскую версию того маленького шестиугольного узора, который возник вокруг их экспериментальной катушки на поверхности. Похожий рисунок возник в другом масштабе. В лаборатории стало тихо. Мирская первой произнесла:

— Масштабирование структуры...

Волков почувствовал, как внутри всё холодеет. Малый локальный узор. Средняя структура вокруг следов человека. Теперь — крупный шестиугольный узел, видимый с орбиты. Система словно использовала один и тот же геометрический принцип на разных уровнях организации. Рейн продолжил:

— Есть ещё кое-что. Мы сопоставили время появления узлов с вашими экспериментами. На экране появилась таблица. Кравцов тихо выругался:

— Каждое наше действие вызывает дальнейшее распространение активации.

Волков медленно закрыл таблицу. Волков сохранил временные метки. Для проверки связи требовалось учесть и узлы, которые не изменились. Активная область расширялась после опытов. Причинность и правило распространения ещё предстояло установить. После завершения связи Мирская долго смотрела на карту.

— Андрей, если процесс продолжится с той же скоростью, через несколько суток активируется весь сектор вокруг посадки.

— Я знаю.

— И мы не понимаем, к чему это приведёт.

Волков подошёл к обзорному экрану. Снаружи царила почти абсолютная темнота. Только слабый свет далёких звёзд отражался от кристаллической поверхности едва заметными серебристыми точками. Он внезапно понял ещё одну вещь. До сих пор они рассматривали себя как наблюдателей, случайно потревоживших древнюю систему. Но последовательность событий говорила о другом. Система не просто реагировала на отдельные воздействия.

Она накапливала информацию о них. Каждый новый контакт изменял её состояние. Каждый эксперимент становился частью продолжающегося процесса. Волков медленно произнёс:

— Елена... а что если это не активация в обычном смысле?

— Тогда что?

Он посмотрел на цепочку шестиугольных узлов, уходящую к северо-восточному горизонту.

— Представь сеть автономных станций, которые миллионы лет находятся в режиме ожидания. Они не знают, существует ли ещё цивилизация-создатель. И вдруг появляется источник сигнала, обладающий нужными характеристиками.

Мирская медленно кивнула.

— Тогда сеть должна сначала убедиться, что сигнал не случайный.

— Именно.

Кравцов посмотрел на них обоих:

— Вы сейчас описываете процедуру аутентификации.

Волков записал: «Аналогия с аутентификацией. Проверить альтернативные модели». Предложенная схема связывала события в понятную последовательность. Но её соответствие инженерной привычке не делало её единственным объяснением. Система могла проверять совместимость источника. Или выполнять совершенно другую процедуру. В этот момент внешние датчики зафиксировали новый импульс. На экране вспыхнуло предупреждение:

ПОВЕРХНОСТНАЯ МАГНИТНАЯ АНОМАЛИЯ. ЧАСТОТА: 7,8 Гц. Импульс пришёл не из района посадки. Он пришёл со стороны далёкого северо-восточного узла. Волков медленно повернулся к обзорному экрану.

Где-то за тёмным горизонтом, в районе кольцевой тепловой аномалии, скрытая под поверхностью система RS-417 только что впервые инициировала сигнал самостоятельно.

Теперь сигнал требовал проверки как отдельное удалённое событие. Сигнал длился всего полсекунды. Но этого оказалось достаточно, чтобы в лаборатории «Арго-3» стало по-настоящему тихо. Волков первым нарушил оцепенение.

— Подтверждение по независимым каналам.

Мирская уже работала с консолью.

— Внутренний магнитометр — есть. Внешний контур — есть. Орбитальный канал с «Тантала» ещё не пришёл, но локальная регистрация однозначная.

На экране медленно разворачивалась форма импульса. Та же базовая частота — 7,8 Гц. Те же гармоники. Тот же характерный пакет амплитудной модуляции. Только теперь источник находился в пятидесяти километрах от них. Кравцов медленно произнёс:

— Значит, это не паразитный эффект нашей аппаратуры.

— Нужно исключить общий источник и отражение, — ответил Волков.

Он быстро сравнил новый импульс с предыдущими записями. Совпадение превышало 94%. Это был тот же тип сигнала. Через несколько минут пришло подтверждение с «Тантала». Рейн подключился к каналу связи без обычных приветствий.

— Мы тоже его видим.

На орбитальной карте вспыхнула точка в центре кольцевой тепловой аномалии. От неё расходились слабые концентрические зоны изменённого магнитного фона.

— Время прихода? — спросил Волков.

— На орбите — двадцать одна тридцать семь тридцать две. У вас?

Мирская сверилась с журналом.

— Двадцать одна тридцать семь тридцать одна и восемь десятых.

Рейн быстро посчитал задержку.

— Проверим синхронизацию часов и задержку трактов. Разница в две десятых секунды сама по себе не показывает время распространения поля от поверхности до орбиты.

В журнал внесли оба времени регистрации. Направление на источник проверяли отдельно по орбитальным и наземным данным. Волков открыл новый рабочий файл и написал на экране: Событие R-1. Источник: северо-восточный узел. Инициатор: неизвестен. Он остановился на последней строке. С инженерной точки зрения формулировка была предельно корректной. Но все присутствующие понимали её истинный смысл.

Теперь отдельный пакет зарегистрировали у удалённого узла без нового запуска испытательной аппаратуры. Мирская вывела на экран временную последовательность: 14:12 — локальный магнитный тест; 15:47 — электрическое подключение к прослойке; 18:21 — эксперимент с ЭЭГ; 20:03 — биологический тест на поверхности; 21:37 — самостоятельный импульс северо-восточного узла. Кравцов посмотрел на таблицу и тихо сказал:

— Похоже на эскалацию.

Волков медленно кивнул. Каждый следующий этап становился сложнее предыдущего: обнаружение внешнего воздействия; локальный отклик; распространение сигнала по сети; реакция на биологический источник; инициирование удалённого ответа. Если это действительно была последовательность работы системы, то они находились где-то между стадиями идентификации и установления канала связи. Рейн неожиданно спросил:

— Андрей, что происходит с твоим биомедицинским модулем?

Волков автоматически посмотрел на диагностический экран. И замер. Передача сигнала на катушку была отключена уже больше часа. Диагностический блок продолжал регистрацию. Но на одном из каналов регистрировались слабые колебания. Частота — 7,8 Гц. Кравцов резко подошёл ближе:

— Откуда он это берёт?

Волков быстро отсоединил внешние входы. Колебания остались. Он отключил усилитель. Сигнал исчез. Снова включил — появился. Мирская нахмурилась:

— Подожди... Усилитель работает как приёмник.

Волков почувствовал, как внутри всё холодеет.

Чувствительный вход диагностического блока мог принимать внешнюю помеху. Для проверки Волков оставил электроды отключёнными и сравнил запись с независимым магнитным каналом. На обоих каналах выделялся похожий рисунок пакетов. Он преобразовал запись в звуковое представление: каждый пакет отмечался коротким низким тоном. В динамике раздалось медленное пульсирующее гудение. Тум... тум... тум...

Интервал между пакетами составлял около пяти секунд. Никто не двигался. Звук был едва слышен, но от этого становился ещё более тревожным. Он не напоминал радиопомеху. Не напоминал работу двигателя или электроники. Слышался повторяющийся рисунок пакетов. Кравцов первым не выдержал:

— Выключи это.

Волков отключил звук. Тишина, наступившая после этого, показалась почти оглушительной. Рейн заговорил первым:

— Мне это совсем не нравится.

— Мне тоже, — ответил Волков. — Но пока есть и хорошая новость.

— Какая?

— По нашим приборам поле слабое. Но одной амплитуды недостаточно для оценки воздействия. Сначала проверим регистрацию.

Мирская задумчиво смотрела на график.

— Андрей... а если поверхность всё это время обменивалась такими импульсами между узлами, а мы просто не имели подходящего приёмника?

Эта мысль оказалась настолько логичной, что Волков сразу открыл архив ранних записей. Он прогнал через новый фильтр данные, полученные ещё во время орбитального подхода к RS-417. Через несколько секунд на экране появилась знакомая структура. Слабая. Почти утонувшая в шуме. Но она была там. 7,8 Гц. Похожая структура присутствовала ещё до посадки. Нельзя было считать её целиком следствием экспериментов.

Теперь она регистрировалась заметно отчётливее. Волков медленно откинулся на спинку кресла. Картина происходящего снова изменилась. Раньше он думал, что люди активировали спящую систему. Теперь становилось возможным другое объяснение. Сеть RS-417 могла никогда полностью не выключаться. Сеть могла поддерживать фоновую активность. Её возраст и длительность такого режима пока не были установлены.

Появление людей не запустило её с нуля. Оно вызвало переход из режима фонового ожидания в режим повышенного взаимодействия. Разница была принципиальной. Спящую систему можно случайно разбудить. Активная система может заметить появление нового участника сети. Волков посмотрел на медленно бегущую кривую 7,8 Гц.

Волков смотрел на карту. Под поверхностью могла действовать распределённая система, которая сохраняла состояние и меняла режим при внешних воздействиях. Это было ещё не общение. Но это уже перестало быть простым наблюдением. В журнале экспедиции Волков открыл новую запись и написал: Предварительное заключение №18.

Система RS-417 демонстрирует признаки фоновой активности и различного отклика на исследованные воздействия. Зарегистрирован удалённый пакет, сходный с локальными сигналами. Возможность обмена информацией требует проверки. Некоторое время он смотрел на последнюю фразу. Затем добавил ещё одну строку: Статус контакта: неопределённый.

И впервые с момента посадки Андрей Волков поймал себя на мысли, что слово «контакт» больше не кажется ему преувеличением.

Глава 4. Северо-восточный узел

Сигнал 7,8 Гц продолжал появляться каждые пять секунд ещё почти двадцать минут. Потом исчез так же внезапно, как и возник.

После его исчезновения на «Арго-3» продолжали обсуждать запись. Самостоятельная активность северо-восточного узла больше не укладывалась в прежнее представление о пассивной геологической аномалии. Оставалось выяснить, был ли этот сигнал ответом. Совещание началось в 02:10 по корабельному времени.

Связь с «Танталом» перевели в защищённый научный канал. На главном экране появились капитан Седов, Марк Рейн и ещё два старших специалиста экспедиции — геофизик Ирина Хольм и системный аналитик Дэвид Чен.

Волков доложил о самостоятельных пакетах узла, их сходстве с локальными сигналами и расширении цепочки активных участков, замеченном с орбиты. Диагностический модуль на базе в это время работал только на приём. Когда доклад закончился, Седов некоторое время молчал.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Теперь переходим к неприятной части. Предположим, вы правы и это действительно активная распределённая система. Какие риски для экипажа?

Первой ответила Хольм:

— Разрушительных воздействий пока не зарегистрировано. Нет радиационных выбросов, повреждений техники или опасных перемещений поверхности. Но перестройка кристаллического слоя продолжается.

Чен добавил:

— Но мы наблюдаем непредсказуемое изменение состояния системы в ответ на биологические сигналы. Это уже само по себе фактор риска.

Кравцов, сидевший рядом с Волковым, мрачно произнёс:

— Наконец-то хоть кто-то говорит нормальным языком.

Седов перевёл взгляд на Волкова.

— Твоя оценка?

Андрей глубоко вдохнул.

— Разрушительной реакции на наши действия пока не было. Из этого нельзя заключить, что дальнейшее сближение безопасно.

— Обоснуй.

— Мы наблюдали обнаружение сигнала, локальную перестройку и последовательную активацию удалённых участков. Возможная связь с биосигналами требует проверки.

— Ни экипаж, ни техника пока не получили видимых повреждений.

Кравцов тихо буркнул:

— Пока не зафиксировали.

Спор продолжался почти час. Чен настаивал на немедленном переходе к орбитальному режиму наблюдения:

— Мы уже получили уникальные данные. Потеря посадочного модуля или экипажа не оправдана.

Мирская возражала:

— Если уйдём сейчас, можем потерять возможность наблюдать переходное состояние. Но продолжение работы требует ограничений.

— А если этот переходный процесс закончится тем, что планета решит подключить вас к своей сети окончательно? — резко спросил Чен.

Волков неожиданно вмешался:

— Именно поэтому нужно исследовать северо-восточный узел.

Все повернулись к нему. Он вывел на экран карту активированных участков.

— Цепочка активных участков ведёт к одной крупной структуре. Она может оказаться ретранслятором, накопителем энергии или управляющим узлом. Сейчас мы видим только периферийные эффекты.

Седов внимательно слушал.

— И ты предлагаешь отправиться туда?

— Предлагаю разведывательный выезд с орбитальным сопровождением. Сначала наблюдение с расстояния, затем решение о каждом следующем участке.

Капитан долго молчал. Наконец он сказал:

— При одном условии. Экспедиция должна иметь возможность немедленно разорвать контакт и вернуться к модулю.

Протокол «Разрыв контакта» включили в программу выезда. Потеря управления, спутанность сознания или устойчивое ухудшение состояния любого участника означали немедленный отход. Непонятные показания требовали остановки и проверки до дальнейшего сближения. Следующие три часа ушли на подготовку.

Планетоход «Вектор» стоял в грузовом отсеке «Арго-3» с момента посадки. Это была низкая шестиколёсная машина длиной около четырёх метров, рассчитанная на автономный переход до двухсот километров по пересечённой поверхности. Волков лично проверял энергетический блок. Радиоизотопный источник питал буферные суперконденсаторы через экранированную силовую шину. Приводы и жизнеобеспечение имели отдельный аварийный контур. После событий последних суток стандартной проверки оказалось недостаточно.

После событий последних суток Волков дополнил штатное оборудование. На внешнем креплении установили магнитную ловушку пыли.

Сверхпроводящий контур собирал магниточувствительные частицы в отдельном коллекторе, который можно было сбросить перед возвращением. Удерживать такую пыль возле самой кабины было бы опасно. Внутренний экран должен был уменьшать связь между кабиной и внешним низкочастотным полем. Его проверили на нескольких частотах. Полученные значения описывали ослабление поля у датчиков, а не степень защиты человека от неизвестного воздействия.

Аварийный размыкатель отключал наружные антенны и экспериментальные цепи, разряжал их накопители в экранированную нагрузку. Приводы, ручное управление и жизнеобеспечение продолжали работать: машина должна была сохранить возможность уйти. Кравцов наблюдал за работой Волкова с явным сомнением.

— Ты серьёзно строишь защиту от планеты, которая чувствует человеческие мысли?

Волков не отрывался от схемы подключения.

— Нет. Я строю защиту от неизвестного механизма взаимодействия. Это разные вещи.

К утру подготовка была завершена.

Маршрут начинался у «Арго-3». Первая остановка — разлом в трёх километрах от базы, точка А. Далее группа должна была пройти к третьему активированному участку, отмеченному с орбиты как точка В, и к кольцевой аномалии, точке С. Общая длина пути — 52,4 км. Расчётное время движения — 6 часов 40 минут с учётом остановок для измерений.

Волков руководил полевыми исследованиями, Мирская отвечала за геохимию и структуру материала, Кравцов — за движение и безопасность. В научный отсек загрузили опломбированные контрольные образцы с базы и пустые контейнеры для дистанционного отбора. Перед стартом Седов вышел на связь ещё раз.

— Последний вопрос. Если узел действительно попытается установить устойчивый канал взаимодействия, что вы будете делать?

Волков посмотрел на стоящий в шлюзе «Вектор». Ответ пришёл неожиданно быстро.

— Остановим сближение и проверим состояние людей и машины. Решение о продолжении согласуем с вами.

Седов кивнул, но в его глазах не было уверенности. Старт назначили на 07:00. Перед выездом Волков поднялся в обзорный отсек. После ночного совещания и подготовки уснуть

так и не удалось. Снаружи серо-чёрная равнина медленно светлела под лучами восходящего солнца RS-417. Именно тогда он заметил новую деталь.

Вокруг посадочного модуля снова появились тонкие шестиугольные структуры, но теперь они были гораздо крупнее, чем раньше. От их внешнего контура уходили едва различимые полосы, тянувшиеся к северо-востоку. Волков включил увеличение. Полосы образовывали непрерывную цепочку, уходящую точно в том направлении, которое было загружено в навигационную систему «Вектора». Он быстро вызвал Мирскую. Через минуту она стояла рядом с ним и молча смотрела на экран.

— Это совпадение? — тихо спросила она.

Волков открыл карту маршрута. Затем наложил её на изображение внешней камеры. Линии совпали почти идеально. Несколько секунд оба молчали. Потом Мирская медленно произнесла:

— Маршрут был загружен только во внутреннюю сеть модуля.

Волков почувствовал, как по спине проходит холодная волна. Он ещё раз посмотрел на уходящую к горизонту цепочку кристаллических полос.

Волков вспомнил, что маршрут они сами выбирали по этой же цепочке. Совпадение могло объясняться общей геометрией поверхности. Считывание данных из аппаратуры оставалось более тревожной, но пока ничем не подтверждённой гипотезой.

— Сначала сравним с картой, снятой до загрузки маршрута, — сказал он.

За стенкой шлюза уже ждал готовый к выходу планетоход «Вектор». А далеко на северо-востоке, за кривизной чужой планеты, скрывался узел, который, возможно, уже знал, что люди едут к нему. Шлюз открылся ровно в 07:00. Холодный утренний свет RS-417 залил грузовой отсек, и серебристо-серая поверхность планеты снова показалась Волкову одновременно пустой и настороженно-живой. Планетоход «Вектор» медленно выкатился наружу.

Шесть широких колёс почти не проваливались в кристаллический слой. Подвеска автоматически подстраивалась под микронеровности поверхности, а на внутреннем дисплее Волкова непрерывно отображались параметры движения: скорость — 12 км/ч; внешний магнитный фон — 18,9 мкТл; ослабление контрольного компонента поля внутри кабины — 87%; накопление кристаллической пыли на корпусе — 0,3%. Кравцов занял место водителя.

— Если эта штука действительно знает, куда мы едем, я предпочёл бы ехать быстрее.

— Быстрее — значит потерять половину данных, — ответил Волков.

Мирская сидела за задней консолью, контролируя спектральный анализ поверхности. Когда «Арго-3» остался позади, Волков невольно оглянулся.

Вокруг посадочного модуля шестиугольные структуры всё ещё были видны — слабые тёмные контуры на фоне серой равнины. От них действительно уходили полосы, совпадавшие с направлением маршрута. Он заставил себя отвернуться. Пока существовало хотя бы одно рациональное объяснение, нельзя было позволять воображению брать верх над анализом. Первые километры прошли без происшествий. Поверхность постепенно менялась.

Если возле посадочного сектора преобладал тонкий рыхлый слой кристаллических пластинок, то дальше на северо-восток начали появляться участки, где верхний покров был значительно плотнее. Под солнечным светом они отливали тусклым металлическим блеском. Мирская первой обратила на это внимание:

— Смотри на распределение отражений.

Волков увеличил изображение с внешней камеры. Плотные участки образовывали вытянутые параллельные полосы, ориентированные точно по направлению движения к узлу.

— Похоже на зоны повышенной ориентации кристаллов, — сказал он.

Кравцов мрачно усмехнулся:

— Отлично. Теперь у нас есть ещё и дорожная разметка.

На подступах к точке А магнитный фон начал медленно расти. 19,4 мкТл. 19,8 мкТл. 20,3 мкТл. Рост был плавным, без резких скачков.

— Это уже не локальная аномалия разлома, — заметила Мирская.

Волков открыл карту изолиний. Повышенное поле вытягивалось длинным коридором шириной около двух километров, проходившим через точку А и уходившим дальше к северо-востоку.

— Как будто под поверхностью проходит магистральный канал, — тихо сказал он.

Кравцов сбросил скорость. Когда они подъехали к разлому, место выглядело почти так же, как накануне, но с одним важным отличием. Светлая проводящая прослойка теперь была видна без всякой очистки. Она слабо светилась холодным голубовато-белым оттенком, словно внутри неё проходил очень слабый электрический ток.

— Останавливаемся.

Они вышли наружу только после полной проверки защитных систем. Разлом встретил их той же абсолютной тишиной. Но теперь тишина казалась иной — не пустой, а заполненной скрытой активностью. Волков опустил на колено у светящейся прослойки и поднёс щуп для согласованного малосигнального измерения. Прибор показал: 0,018 Ом·м. Он невольно выдохнул.

— Проводимость выросла более чем в два раза.

Мирская быстро сравнила данные с вчерашними измерениями.

— И температура выше на четыре градуса.

Кравцов стоял чуть поодаль, внимательно наблюдая за окружающей поверхностью.

— Мне кажется, или кристаллы вокруг разлома ориентированы сильнее, чем вчера?

Волков поднял взгляд. Он был прав. Серые пластинки вокруг светящейся линии располагались почти идеальными параллельными рядами, образуя структуру, удивительно похожую на дорожки печатной платы. Мирская медленно произнесла:

— Андрей... это уже выглядит как активированный проводящий контур.

Волков не успел ответить. В его шлеме коротко пискнул приёмный канал ЭЭГ-модуля. На внутреннем дисплее появилась знакомая отметка: ВНЕШНИЙ ПАКЕТ: КОМПОНЕНТ 7,8 Гц. Импульс пришёл со стороны северо-востока. Через 0,6 секунды светящаяся прослойка под его рукой вспыхнула чуть ярче. Ещё через секунду поверхность вокруг разлома ответила волной серебристых бликов. Мирская первой посмотрела на Волкова:

— Ты видел задержку?

Он уже проверял запись. 7,8 Гц → 0,58 с → усиление прослойки → 1,02 с → перестройка поверхности. Волков сохранил временные метки для сравнения с орбитальной записью. Кравцов тихо сказал:

— Узел послал сигнал... а разлом его принял.

Последовательность была похожа на прохождение возмущения через связанные участки. Он медленно поднялся и посмотрел на уходящую к северо-востоку цепочку плотных кристаллических полос. Где-то впереди находился источник сигнала. Разлом мог быть частью этого пути. Проверить направление передачи по одной записи ещё не удалось. Волков вернулся к планетоходу и открыл навигационную карту. До точки В оставалось около сорока семи километров по выбранному пути. Он посмотрел на Мирскую и Кравцова.

— Последовательная активация повторяется. Проверим, сохраняется ли она дальше по маршруту.

Кравцов вздохнул:

— И всё ещё хочешь ехать дальше?

Волков посмотрел на медленно пульсирующую светлую линию в глубине разлома. Сигнал 7,8 Гц повторился снова — далёкий, едва уловимый, но уже узнаваемый. Они покинули разлом через двадцать минут. Дополнительные активные тесты Волков отменил. После вче-

рашних опытов нельзя было считать новые импульсы безразличными для состояния поверхности. «Вектор» снова набрал скорость.

Снаружи равнина постепенно становилась всё менее однообразной. Плотные кристаллические полосы теперь встречались почти непрерывно, образуя длинные параллельные структуры шириной от двух до пяти метров. Мирская вывела на экран карту ориентации полос.

— Посмотри на углы пересечения.

Волков наложил данные на навигационный маршрут.

Полосы не были случайными. Они формировали шестиугольную решётку огромного масштаба, где расстояние между соседними линиями составляло примерно 4,1 км — то самое значение, которое они получили при анализе орбитальных узлов.

— Это уже похоже на топологию сети, — тихо сказал он.

Кравцов не отрывал взгляда от поверхности впереди.

— Мне всё больше кажется, что мы едем не по пустыне, а по внутренностям какой-то гигантской машины.

Через час пути произошло первое серьёзное отклонение. Система предупреждения «Вектора» подала короткий сигнал. ВНИМАНИЕ: ИЗМЕНЕНИЕ МАГНИТНОГО ГРАДИЕНТА. Волков быстро открыл карту. Впереди, примерно в трёх километрах по курсу, магнитные линии резко искривлялись, образуя почти замкнутый контур.

— Снижай скорость до пяти километров в час, — сказал он.

Кравцов выполнил команду. Когда они приблизились к аномалии, поверхность неожиданно изменилась.

Серый кристаллический слой расступался, обнажая участок тёмной стекловидной основы диаметром около пятидесяти метров. В центре находилось неглубокое круглое углубление, от которого расходились тонкие светлые линии. Мирская первой нарушила молчание:

— Геометрия необычно правильная. Нужна подробная съёмка.

Волков вывел данные лазерного профилометра. Углубление имело почти идеальную геометрию: диаметр: 47,3 м; глубина: 1,84 м; отклонение от окружности: менее 0,2%. В центре лежала группа более крупных кристаллических пластин, соединённых между собой тонкими светящимися нитями. Кравцов тихо присвистнул:

— Похоже на распределительный узел.

Структура действительно напоминала инженерный коллектор: центральная зона, от которой расходятся шесть радиальных каналов, точно совпадающих с направлением основных кристаллических полос. Они решили не подходить ближе чем на десять метров. Волков развернул шестиколёсный дрон с оптическими и магнитными датчиками и закрытым пробоотборником. Дрон медленно двинулся к центру структуры. Первые данные пришли почти сразу: температура центральных пластин — +18°C; температура окружающей поверхности — +3°C;

локальное магнитное поле — +3,8 мкТл относительно фона. Но самое странное обнаружилось через несколько секунд. Когда дрон пересёк внешний контур углубления, светящиеся нити между центральными пластинами изменили яркость. Мирская резко увеличила изображение. Нити вспыхивали последовательно, одна за другой, образуя бегущую по кругу волну.

— Есть бегущая последовательность, а не просто одновременная вспышка, — сказала Мирская.

Волков молча смотрел на экран. Последовательность вспышек повторялась с периодом около 4,9 секунды — почти тем же, что и интервалы между пакетами 7,8 Гц, которые они принимали ночью. Кравцов нахмурился:

— Дрон вызывает реакцию?

— Проверим.

Волков остановил дрон. Вспышки продолжались. Затем он отвёл дрон назад за пределы внешнего контура. Через десять секунд светящиеся нити постепенно погасли. Все трое переглянулись.

— В этих двух проходах отклик связан с положением дрона, — сказала Мирская.

— Любого объекта? — спросил Кравцов.

Волков снова отправил дрон вперёд.

Нити загорелись вновь. По заранее согласованной программе дрон собрал несколько миллиграммов рыхлых микрокристаллов с края структуры и запечатал их в контейнере №4. Центральные пластины он не касался. Пока всё выглядело так, будто система реагировала на сам факт пересечения границы узла. Именно в этот момент произошло нечто новое. На панели биосигнального экрана внезапно вспыхнуло предупреждение: **ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЛЯ В КАБИНЕ СНИЗИЛОСЬ**. Оценка ослабления контрольного компонента упала с 87 до 42 процентов. Волков мгновенно проверил питание.

Система была исправна.

— Что за чёрт?..

Мирская уже анализировала спектр внешнего поля.

— Андрей, посмотри на это.

На экране появилась широкополосная диаграмма. Помимо знакомого пика 7,8 Гц в районе узла присутствовал ещё один компонент — 15,6 Гц, вторая гармоника основного сигнала. И именно на этой частоте эффективность экранирующего материала резко падала. На второй гармонике экран работал заметно хуже. Это могло быть свойством самого экрана, а не результатом целенаправленного воздействия узла. Кравцов посмотрел на мигающее предупреждение:

— Мне это совсем не нравится.

Волков медленно кивнул. Новая запись показала, насколько ограниченными были их предварительные испытания защиты. Волков открыл навигационную карту. До точки В оставалось ещё около тридцати пяти километров. Он посмотрел на светящуюся шестиугольную структуру за обзорным стеклом, затем на мигающее предупреждение о снижении экранирования. Волков приказал немедленно отойти от промежуточного узла на двести метров.

Кравцов развернул «Вектор» без лишних вопросов. Машина медленно откатилась по собственным следам, пока светящиеся нити в центре структуры не превратились в едва различимые точки. Как только расстояние превысило примерно сто восемьдесят метров, предупреждение биосигнального экрана погасло. **ОСЛАБЛЕНИЕ КОНТРОЛЬНОГО КОМПОНЕНТА: 84%**. Мирская внимательно следила за графиком.

— Поле быстро ослабевает с расстоянием.

— Спад резкий. Нужно больше точек, прежде чем выбирать модель поля.

Он построил предварительную модель распространения. По этому проходу область заметной активности простиралась примерно на полторы сотни метров. Её границу ещё предстояло уточнить.

— Локализованный резонатор, — сказал он. — Или область когерентной перестройки кристаллической матрицы.

Кравцов мрачно усмехнулся:

— Ты умеешь делать страшные вещи ещё страшнее.

Они решили сделать короткую остановку для анализа.

Волков сопоставил размеры наблюдавшихся структур: метровые узоры у базы, проводящий разлом, пятидесятиметровый промежуточный узел. Впереди оставалось кольцо диаметром больше километра. Мирская долго смотрела на схему.

— Это действительно напоминает иерархическую архитектуру.

— Причём с самоподобной геометрией, — добавил Волков. — Один и тот же шестиугольный принцип повторяется на разных масштабах.

Кравцов указал на изображение кольца.

— А вот эта штука размером больше километра меня интересует меньше всего.

— Почему?

— Мы плохо понимаем даже этот маленький узел. У большого могут оказаться совсем другие режимы.

Волков не стал спорить. Движение продолжили в 11:40. Чем дальше они продвигались к северо-востоку, тем заметнее становились изменения поверхности.

Теперь кристаллические полосы образовывали не просто параллельные линии, а правильные шестиугольные ячейки диаметром от трёх до пяти километров. С высоты орбитального телескопа такая структура выглядела бы как гигантская сотовая сеть. Мирская внезапно сказала:

— Остановись.

Кравцов затормозил. Впереди, примерно в километре по курсу, над поверхностью поднималось едва заметное мерцание воздуха. Волков включил тепловизор. На экране появилась вытянутая зона повышенной температуры: фон поверхности: +2°C; аномальная область: +11°C.

— Это уже серьёзно, — пробормотал он.

Тепло распределялось не хаотично, а вдоль тонких линий, совпадающих с границами крупных шестиугольных ячеек.

— Как будто энергия течёт по сети, — тихо сказала Мирская.

Волков почувствовал, как внутри снова появляется знакомое инженерное ощущение: перед ним была не просто природная аномалия, а система распределения энергии. Они приблизились ещё на пятьсот метров. Теперь мерцание стало видно невооружённым глазом. Одних температурных измерений было недостаточно, чтобы объяснить мерцание. Волков развернул спектральный анализатор атмосферы. Результат заставил его резко выпрямиться.

— Елена, посмотри на концентрацию ионов.

Она быстро просмотрела данные. Уровень ионизации в аномальной зоне был почти в двадцать раз выше фонового.

— Локальная плазменная активность? — спросила она.

— Возможны разряды у поверхности. Сравним свечение с электрическими датчиками.

Кравцов тихо присвистнул:

— Значит, сеть не только проводит ток. Она ещё и создаёт ионизированную среду вокруг активных каналов.

В этот момент «Вектор» снова получил внешний импульс 7,8 Гц. Но на этот раз произошло нечто новое. Сигнал пришёл не одним пакетом, а короткой последовательностью: Волков мгновенно сохранил запись. Через две секунды впереди, в зоне серебристого мерцания, последовательно вспыхнули три участка поверхности. Кравцов резко сбросил скорость:

— Это уже слишком похоже на синхронизированную систему.

Волков быстро сравнил временные метки. Каждый внешний импульс соответствовал вспышке одного из участков с точностью до 0,1 секунды. Совпадение требовало проверки по независимым временным меткам. Мирская неожиданно сказала:

— Андрей... а если это не просто передача сигнала?

Он посмотрел на неё.

— Тогда что?

Она указала на три вспыхнувших участка.

— Возможно, узел запрашивает подтверждение по нескольким каналам одновременно.

Волков почувствовал неприятный холодок. Волков заметил повторение числа три, но записывать его как указание на численность экипажа было рано. Три активированных участка. Три члена экипажа внутри «Вектора». Мысль была слишком смелой, но после всего, что они

уже увидели, её нельзя было отбросить сразу. Он быстро проверил биомедицинские датчики экипажа. И замер. В момент тройного пакета на биомедицинских каналах появились сходные медленные компоненты в области 1,1–1,3 Гц. Нужно было исключить движение, дыхание и общую наводку.

Сходство записей стало ещё одним поводом остановиться перед активной областью. До точки В оставалось меньше шести километров. Кравцов молча вёл «Вектор» вперёд. До точки В оставалось 5,8 км.

Серебристое мерцание над поверхностью становилось всё заметнее. Теперь оно уже не напоминало обычный мираж — тонкие волны поднимались всего на несколько десятков сантиметров над кристаллическим слоем и медленно скользили вдоль шестиугольных границ, словно по поверхности проходил слабый электрический ток. Волков не отрывал взгляда от приборов. **ВНЕШНИЙ МАГНИТНЫЙ ФОН: 24,7 мкТл. ИОНИЗАЦИЯ АТМОСФЕРЫ: $\times 18$. ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЛЯ В КАБИНЕ: 61%.** Последний параметр беспокоил его всё сильнее.

— Экран продолжает проседать, — сказал он.

Мирская быстро сверилась со спектром.

— Усиливается компонент 15,6 Гц. На нём экран ослабляет поле хуже.

Кравцов покосился на них:

— Только не говорите, что она ещё и многочастотная.

Через несколько минут «Вектор» достиг первой крупной шестиугольной границы. Она была видна даже невооружённым глазом: тонкая светлая линия шириной около тридцати сантиметров пересекала равнину от горизонта до горизонта. Кравцов инстинктивно затормозил перед ней.

— Похоже на границу сектора.

Волков вывел изображение с нижних камер. Кристаллические пластинки вдоль линии были ориентированы почти вертикально, образуя структуру, напоминающую край огромной ячейки.

— Сначала съёмка, затем согласованное измерение проводимости с ограничением тока.

Он опустил контактный щуп через нижний люк планетохода. Результат появился мгновенно: удельное сопротивление внутри ячейки — 2,1 Ом·м; на границе — 0,09 Ом·м. Мирская тихо присвистнула.

— Граница проводит заметно лучше внутренней области.

Волков медленно произнёс:

— Возможно, именно по границам связаны соседние ячейки.

Кравцов осторожно повёл машину вперёд. Колёса пересекли светлую линию. В тот же момент в кабине произошло сразу несколько событий. Все экраны на долю секунды погасли. Магнитометры одновременно выдали короткий пик. А в наушниках каждого члена экипажа прозвучал едва различимый низкий тон, которого не было в аудиосистеме. Кравцов резко остановил машину.

— Вы это слышали?

— Да, — одновременно ответили Волков и Мирская.

Волков быстро проверил запись бортового звука. Никакого сигнала там не было. Тон не был зарегистрирован микрофонами. Но биомедицинские датчики зафиксировали кратковременную синхронную реакцию: расширение зрачков; скачок проводимости кожи; краткий всплеск тета-ритмов мозга у всех троих. Мирская первой нарушила молчание:

— Общая реакция есть, а звуковой записи нет. Проверим наушники, датчики и состояние каждого.

Отсутствие сигнала в аудиозаписи не объясняло происхождение услышанного тона. Все трое описали сходное ощущение. Волков внёс их слова в журнал отдельно от приборных данных. Он почувствовал, как внутри всё сжимается. Сеть не просто передавала сигнал. Она начи-

нала навязывать окружающей среде собственный ритм. До точки В оставалось 3,2 км, когда впереди появились первые вертикальные структуры. Сначала Волков принял их за скалы. Но по мере приближения стало ясно: это не естественные образования.

Из поверхности поднимались тонкие кристаллические стелы высотой от трёх до пяти метров. Они располагались по вершинам гигантской шестиугольной ячейки и были соединены между собой слабо светящимися линиями в толще поверхности. Мирская почти шёпотом произнесла:

— Андрей... это уже архитектура.

Волков не мог отвести взгляд. Стелы имели удивительно правильную форму: шестиугольное сечение; одинаковый угол наклона граней; одинаковое расстояние между вершинами — около 780 метров. Ровные грани и повторяющиеся размеры выделяли стелы среди обычных выступов поверхности. Кравцов сбросил скорость до двух километров в час. «Вектор» медленно въехал внутрь гигантской шестиугольной структуры. И в этот момент все кристаллические стелы одновременно вспыхнули мягким серебристым светом. Не ярко. Не ослепительно.

Скорее так, словно внутри них на мгновение прошёл слабый электрический ток. На панели Волкова вспыхнуло новое предупреждение: **ОБНАРУЖЕН СИНХРОННЫЙ ВНЕШНИЙ СИГНАЛ. ЧАСТОТА: 7,8 Гц.** Но теперь сигнал шёл не из одного направления. Его источник окружал их со всех сторон. Волков медленно поднял взгляд на светящиеся стелы, образующие правильный шестиугольник вокруг «Вектора». Свет стел держался около трёх секунд. Затем серебристое свечение медленно погасло, оставив после себя едва заметные светящиеся прожилки в толще поверхности.

Но предупреждение на панели Волкова не исчезло. **СИНХРОННЫЙ ВНЕШНИЙ СИГНАЛ — АКТИВЕН.** Частота 7,8 Гц теперь регистрировалась сразу несколькими независимыми датчиками: внешними магнитометрами; биомедицинским усилителем; индукционными контурами силовой шины; и даже датчиком статического электричества корпуса. Компонент присутствовал на разных каналах. Общую наводку всё равно нельзя было исключить. Кравцов медленно остановил «Вектор» в центре шестиугольника.

— Предлагаю дальше не ехать, пока не поймём, что происходит.

Волков не стал спорить. Мирская уже разворачивала трёхмерную модель поля. На экране постепенно проявлялась удивительно правильная картина: шесть стел по периметру и область повышенной интенсивности в центре, где сейчас находился планетоход.

— Это похоже на резонансную камеру, — сказала она.

Волков внимательно изучил распределение амплитуд.

— Скорее на многоточечный фазовый контур.

Он предложил модель: локальные источники у стел, близкие фазы и повышенная интенсивность в центре. Для проверки требовались измерения вне машины. Кравцов посмотрел на экран:

— То есть мы сейчас сидим внутри гигантского резонатора?

— Очень похоже на то.

В этот момент произошло нечто ещё более странное. На панели биомониторинга Волкова вспыхнула новая отметка: **СХОДСТВО БИОМЕДИЦИНСКИХ КАНАЛОВ В АЛЬФА-ДИАПАЗОНЕ: 63%.** Он резко открыл подробный график. ЭЭГ всех трёх членов экипажа начала демонстрировать необычное сближение частот. Обычно индивидуальные альфа-ритмы различались: Волков — 9,8 Гц; Мирская — 10,4 Гц; Кравцов — 9,1 Гц. Теперь все три значения медленно смещались к диапазону 8,0–8,2 Гц.

— Елена... посмотри на биометрию.

Она несколько секунд изучала данные, затем подняла взгляд:

— Каналы сближаются. Сначала проверим общий источник помех.

Кравцов нахмурился:

— Что там?

Волков ответил максимально спокойно:

— На записях частоты смещаются к внешнему ритму. Пока не знаем, что здесь относится к человеку, а что к измерительному тракту.

В кабине стало очень тихо. Волков приказал остановить машину и отключить общую шину регистрации. Мирская перевела биомониторы на автономные каналы. Кравцов держал ручное управление готовым к отходу. Сходство не исчезло полностью. Волков передал запись на «Тантал».

Проверка состояния не выявила острых нарушений: давление и насыщение кислородом оставались обычными, короткие задания на внимание и моторику все выполнили без ошибок. Это позволяло действовать, но не доказывало безопасность дальнейшего пребывания.

Седов разрешил короткое наблюдение из кабины без новых активных воздействий. При повторении необычных ощущений группа должна была отойти. Волков отметил время: теперь каждую минуту у стел приходилось оправдывать данными. Мирская внезапно указала на внешний экран.

— Андрей, стелы.

Волков поднял взгляд. На ближайшей кристаллической стеле начали медленно проявляться тонкие светящиеся линии. Сначала хаотичные. Потом они выстроились в правильный геометрический рисунок: концентрические шестиугольники, соединённые радиальными сегментами. Кравцов тихо произнёс:

— Похоже на интерфейс.

Линии продолжали перестраиваться. И вдруг он заметил закономерность.

Центральный шестиугольник схемы совпадал с их текущим положением внутри ячейки, а один из радиальных сегментов был выделен более ярким свечением и указывал дальше на северо-восток. Туда, где находилась кольцевая аномалия. Мирская уже сравнивала рисунок с навигационной картой. Через несколько секунд она медленно сказала:

— Это направление совпадает с маршрутом на точку С с точностью меньше двух градусов.

Кравцов резко повернулся к ней:

— Ты хочешь сказать, что эта штука показывает нам дорогу?

Никто не ответил сразу. Волков включил запись изображения. Светящиеся линии на стеле держались устойчиво, не меняя конфигурации.

Волков перебрал объяснения. Схема могла отображать собственную геометрию сети: они и сами выбрали маршрут вдоль этих линий. Более тревожный вариант — указатель, сформированный в ответ на присутствие машины. Кравцов нарушил молчание:

— Мне очень не нравится второй вариант, — сказал Кравцов.

— Мне тоже.

В этот момент все шесть стел одновременно вспыхнули снова. Но теперь импульс сопровождался короткой последовательностью пакетов: 7,8 Гц — пауза — 7,8 Гц. Два импульса. На панели Волкова автоматически появилась новая отметка: **ВНЕШНИЙ ПАТТЕРН ИЗМЕНЁН**. Он быстро сравнил запись с предыдущими сигналами. Раньше система использовала: одиночный импульс; тройной импульс; непрерывную синхронизацию. Теперь впервые появился новый устойчивый паттерн из двух пакетов. Мирская тихо сказала:

— Форма пакета изменилась после новой активации. Нужно проверить, повторяется ли это в других случаях.

Мирская первой нарушила молчание:

— Если это действительно указатель, то система знает не только своё внутреннее устройство, но и наше положение внутри него.

Кравцов мрачно усмехнулся:

— Замечательно. Мы официально заблудились внутри чужой схемы.

Волков не ответил. Его внимание привлекло другое.

На поверхности вокруг «Вектора» начали появляться тонкие светящиеся точки. Сначала единичные, затем всё больше. Они располагались по концентрическим окружностям вокруг планетохода и медленно пульсировали в такт сигналу 7,8 Гц.

— Никому не выходить наружу, — сказал он.

Мирская запустила высокоскоростную съёмку. На замедленной записи каждая точка распадалась на группу микрокристаллов. Их поворот сопровождался короткой вспышкой.

— Возможно, микроразряды между гранями. По одному видео это не установить.

Волков быстро оценил энергетику процесса. Оценка мощности отдельной вспышки была небольшой. Но вокруг машины уже насчитывались тысячи точек, и их изменения совпадали по времени. Кравцов посмотрел на экран:

— Похоже на гигантский массив датчиков.

Он открыл новый слой модели и наложил расположение светящихся точек на схему шестиугольной ячейки. Через несколько секунд программа автоматически выделила закономерность. Точки располагались не непрерывно, а образовывали три концентрических кольца: внутреннее — радиус 3,2 м; среднее — 7,9 м; внешнее — 15,8 м. Мирская резко подняла голову:

— Радиус внешнего кольца вдвое больше среднего. Внутреннее в эту пропорцию не укладывается.

Волков записал все три значения, не подгоняя их под одну прогрессию. Кравцов тихо сказал:

— Только не говори, что она показывает нам собственную архитектуру.

Волков не успел ответить. На панели внешней связи вспыхнул вызов с «Тантала». Рейн выглядел необычно взволнованным.

— У нас новые орбитальные данные. И вам это нужно увидеть немедленно.

На экране появилась карта сектора. Вокруг шестиугольной ячейки, где находился «Вектор», сформировалась крупная зона повышенной отражательной способности диаметром почти двадцать километров. Но главное было не это. От их текущего положения к кольцевой аномалии теперь тянулась не одна цепочка активных узлов, а три параллельные линии, сходящиеся к центральному кольцу. Волков мгновенно вспомнил три концентрических кольца вокруг планетохода.

— Марк, когда появились дополнительные линии?

— Через две минуты после того, как ваши стелы вспыхнули второй раз.

Мирская медленно произнесла:

— Внутренняя структура ячейки и орбитальная картина изменяются синхронно.

Это означало, что локальные процессы внутри шестиугольной камеры связаны с перестройкой сети на расстоянии десятков километров. Рейн вывел ещё один график.

— Есть кое-что совсем странное. Мы сравнили последовательности импульсов.

Они сопоставили одиночные пакеты раннего отклика, тройные при приближении экипажа и двойные после вспышки стел.

— В пределах каждого типа временной рисунок повторяется с точностью до нескольких миллисекунд.

Система использовала дискретные устойчивые последовательности сигналов. Одиночный пакет. Двойной пакет. Тройной пакет. Это уже слишком напоминало набор различных состояний протокола обмена. Кравцов тихо пробормотал:

— Один, два, три... Как будто она считает.

Пока у них не было доказательств существования интеллекта в человеческом понимании.

Сейчас записи позволяли сравнивать геометрию разных масштабов, форму пакетов и порядок активации удалённых участков. Назначение этой последовательности оставалось открытым вопросом. Точка С находилась примерно в 2,4 км дальше по этому направлению. Мирская тихо спросила:

— Что будем делать?

Волков долго молчал. Волков медленно перевёл взгляд на северо-восточный горизонт, где в серебристом мареве скрывалась кольцевая аномалия.

— Продолжим до внешнего края кольца, — сказал Волков после доклада Седову. — Наблюдение из кабины. При изменении состояния людей или управления отходим. Дальнейшее сближение решаем отдельно.

Кравцов тяжело вздохнул и снова взялся за органы управления. «Вектор» медленно тронулся с места. Когда планетоход покинул центр шестиугольной ячейки, светящиеся точки на поверхности начали постепенно гаснуть одна за другой. Но выделенный канал на стеле продолжал светиться ещё несколько секунд, словно подтверждая выбранное направление. И только когда машина окончательно вышла за пределы ячейки, серебристый рисунок исчез. «Вектор» медленно двигался по светящемуся северо-восточному каналу.

После выхода из резонансной ячейки экипаж почти не разговаривал. Каждый был занят собственными мыслями и наблюдением за приборами. Под тонким слоем кристаллических пластинок отчётливо просматривалась гигантская шестиугольная структура, словно вся планета была покрыта сетью взаимосвязанных ячеек. На навигационном дисплее расстояние до точки С уменьшалось медленно: 2,1 км. 1,9 км. 1,7 км. И вместе с этим росла интенсивность поля. ВНЕШНИЙ МАГНИТНЫЙ ФОН: 31,4 мкТл. ИОНИЗАЦИЯ АТМОСФЕРЫ: ×27. ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЛЯ В КАБИНЕ: 48%. Волков нахмурился.

— Экран снова проседает.

Мирская быстро проверила спектр.

— Теперь усилилась не только вторая гармоника. Появился компонент 23,4 Гц.

Впереди серебристое мерцание постепенно сгущалось в настоящую световую дымку. Через неё уже можно было различить крупные вертикальные структуры, намного превосходившие стелы резонансной ячейки. Кравцов сбросил скорость до одного километра в час.

— Визуальный контакт с объектом.

Волков увеличил изображение. На горизонте медленно проявлялось кольцо. Сначала оно казалось низким хребтом. За дымкой проступил правильный шестиугольный вал диаметром около 1,4 километра. Тепловая область, отмеченная с орбиты, была гораздо шире самой конструкции. Между сегментами проходили широкие светящиеся каналы, уходящие под поверхность. Мирская почти шёпотом произнесла:

— Господи...

Даже с этого расстояния комплекс казался огромным. Крупные сегменты повторяли геометрию меньших структур, замеченных по пути. Именно в этот момент «Вектор» пересёк ещё одну светлую границу. Реакция последовала мгновенно. Все внешние кристаллические полосы вокруг машины одновременно вспыхнули холодным серебристым светом. На панели Волкова появился новый сигнал: ПАТТЕРН: 2 ИМПУЛЬСА. Через секунду ответ пришёл от кольцевого узла. Но теперь это был уже не двойной пакет. На экране магнитометра появилась последовательность:

7,8 Гц — пауза — 7,8 Гц — пауза — 7,8 Гц — пауза — 7,8 Гц. Четыре импульса. Кравцов резко выдохнул:

— Теперь четыре, — сказал Кравцов.

Волков быстро сохранил запись. Последовательность была идеально регулярной. Кольцевой узел приближался. Теперь уже можно было различить детали. Внешний вал состоял из гигантских кристаллических пластин высотой до сорока метров, наклонённых внутрь под

одинаковым углом. В центре кольца поднималось более высокое образование — шестиугольная башня или колонна, окружённая концентрическими террасами. От неё расходились шесть основных светящихся каналов, уходящих в разные стороны планеты. Волков увеличил карту сходящихся каналов.

Комплекс напоминал магистральный распределительный центр. Несколько обследованных участков лежали на связанных с ним направлениях. Объединяла ли эта структура всю сеть, пока было неизвестно. Мирская медленно сказала:

— Андрей... посмотри на геометрию каналов.

Волков наложил схему на карту предыдущих активированных узлов. Совпадение оказалось почти абсолютным. Один канал вёл к сектору посадки. Другой — к разлому. Третий — к резонансной ячейке. Остальные три уходили в ещё неизученные области планеты. В этот момент произошло событие, которого не ожидал никто. Центральная шестиугольная башня внутри кольца медленно вспыхнула изнутри. Свет не был ярким. Он напоминал мягкое внутреннее свечение огромного кристалла, в глубине которого проходят слабые электрические разряды.

И одновременно с этим биомониторы всех трёх членов экипажа зафиксировали резкий скачок активности в диапазоне 7,8–8,1 Гц. Частоты на трёх биомедицинских каналах снова сблизились. ВОЛКОВ — 8,02 Гц. МИРСКАЯ — 8,05 Гц. КРАВЦОВ — 7,98 Гц. Кравцов первым нарушил молчание:

— Андрей... мне это уже совсем не нравится.

Волков не ответил. До внешнего края кольца оставалось меньше восьмисот метров. Автономные биомониторы продолжали показывать близкие частоты. 7,99 Гц. 8,03 Гц. 8,01 Гц. Волков сверил качество контакта электродов. Общая помеха оставалась возможной, но игнорировать повторение уже было нельзя.

— Проверка когнитивного состояния, — сказал Волков.

Это был стандартный аварийный протокол дальних экспедиций.

— Текущее время?

— 12:47 местного, — сразу ответила Мирская.

— Последняя контрольная точка?

— Резонансная ячейка В-1.

— Код возврата?

Кравцов без запинки произнёс:

— Арго-три, сектор Е-девятнадцать, протокол семь.

Короткая проверка не выявила спутанности сознания. Волков доложил результат и удерживал машину у внешней границы, пока Седов просматривал данные. Впереди поверхность начала медленно подниматься.

Для разрешённого осмотра «Вектор» поднялся на край широкой террасы. Путь назад оставался свободным. Под кристаллическими пластинками проступали шестиугольные сегменты со светящимися швами. Мирская запустила георадар на мощности, предусмотренной программой разведки. Через несколько секунд на экране появилась объёмная модель. Она резко втянула воздух.

— Андрей... это не сплошной вал.

Волков быстро посмотрел на данные. Под поверхностью скрывалась сложная многослойная структура: верхний кристаллический слой — 0,9 м; промежуточная проводящая сеть — 0,2 м; ниже — система полых каналов диаметром до 6 метров, уходящих к центру кольца. Кравцов тихо присвистнул:

— Подземные коммуникации.

Волков почувствовал знакомое инженерное возбуждение. Отражения указывали на внутренние слои и крупные полости. Их назначение нельзя было прочитать по радарной картинке.

Когда расстояние сократилось до 500 метров, произошла новая активация. Все шесть магистральных каналов, сходящихся к башне, одновременно вспыхнули мягким серебристо-белым светом. Но теперь свет распространялся не мгновенно. Волков увидел, как вдоль каждого канала движется волна яркости — словно по гигантским прозрачным трубам проходит энергетический импульс.

Скорость движения составляла примерно 220 м/с — почти точно столько же, сколько они вычислили ранее для распространения сетевых сигналов.

— Это тот же процесс, что мы видели между промежуточными узлами, — сказала Мирская.

— Только в гораздо большем масштабе, — ответил Волков.

Именно в этот момент на панели связи появился новый сигнал. Но это был уже не обычный пакет 7,8 Гц. Система автоматически выделила структуру: 7,8 — 15,6 — 7,8 — 23,4 — 7,8. Последовательность была сложнее всех предыдущих. Волков быстро сохранил запись.

— Она изменила не только количество импульсов, но и их внутреннюю структуру.

Кравцов мрачно сказал:

— Похоже, простые сигналы закончились.

«Вектор» остановился у внешнего края кольца.

Перед ними возвышалась ближайшая кристаллическая пластина высотой около сорока двух метров. Её поверхность была не гладкой, а покрытой тончайшей сетью светящихся шестиугольных линий. На поверхности пластины медленно формировались три отдельных светящихся контура. Они располагались рядом друг с другом и постепенно принимали устойчивую форму. Мирская увеличила изображение. Контуров не было одинаковыми. Каждый имел собственную конфигурацию внутренних линий, но все три были связаны общим внешним шестиугольным каркасом.

Кравцов первым произнёс то, о чём подумали все:

— Это слишком похоже на три отдельных объекта.

Мирская медленно кивнула.

— Или на три зарегистрированных источника сигнала внутри одной системы.

Светящиеся контуры продолжали удерживаться на поверхности пластины. Их взаимное расположение удивительно напоминало схему посадочных мест экипажа внутри планетохода. Волков заставил себя сосредоточиться на приборах. Показания оставались в пределах рабочих допусков аппаратуры: радиация — в норме; температура — стабильна; давление — без изменений; поля повышены, немедленного отказа оборудования нет. Именно тогда центральная башня вспыхнула снова.

На этот раз свечение распространилось вверх по её граням, и в верхней части конструкции открылось тёмное шестиугольное отверстие диаметром около двадцати метров. Из него не вырывался свет. Напротив — оно выглядело как идеально чёрная область, полностью поглощающая отражения окружающих кристаллов. Одновременно все сигналы 7,8 Гц внезапно прекратились. Наступила странная, почти физически ощутимая тишина. Биомониторы экипажа мгновенно показали расхождение нейронных ритмов: Волков — 9,6 Гц; Мирская — 10,2 Гц; Кравцов — 9,0 Гц.

Синхронизация исчезла. Кравцов резко выдохнул, словно только сейчас заметил, что всё это время подсознательно задерживал дыхание. Мирская тихо сказала:

— Андрей... мне кажется, это не сбой.

Он медленно кивнул. Волков сопоставил приближение, вспышки, сближение биомедицинских записей и появление трёх контуров. После этой последовательности внешний ритм исчез, а в вершине башни открылось отверстие. События выглядели связанными, но смысл перехода оставался неизвестен. Волкову казалось, что завершился один этап. Он не знал, чего ждать от следующего. Тишина продолжалась уже почти минуту.

После непрерывного фонового ритма 7,8 Гц она воспринималась почти как физическое давление. Волков поймал себя на том, что несколько раз проверил магнитометры, словно ожидая увидеть отказ приборов. Кравцов первым нарушил молчание:

— Если это было распознавание, кто теперь делает первый ход?

Волков не ответил сразу.

Он смотрел на тёмное шестиугольное отверстие в вершине башни. Оно не светило, не пульсировало и не излучало никаких заметных полей. Наоборот, область вокруг него отличалась аномально низким уровнем электромагнитного шума. Мирская уже анализировала данные.

— Посмотри на спектр.

Волков перевёл взгляд на экран и замер. В диапазоне от 1 до 50 Гц уровень фоновых колебаний внутри кольцевого комплекса упал почти до пределов чувствительности датчиков.

— Необычно низкий уровень. Сверим с собственным шумом датчиков.

Волков проверил контрольные каналы: аппаратура продолжала регистрировать собственный шум. Исчез главным образом внешний компонент, который до этого заполнял спектр.

— Как будто система освободила канал от всех фоновых процессов, — сказала Мирская.

— Только наблюдение. Никаких новых импульсов и подключений к поверхности.

Кравцов недовольно посмотрел на него:

— То есть всё-таки идём ближе?

— Сначала запишем отсюда. Затем можем пройти по террасе, не сокращая дистанцию до башни, если капитан разрешит.

Седов разрешил короткую оптическую съёмку. Кравцов выбрал участок, с которого можно было развернуться без манёвров у стены. Они двинулись вдоль внутреннего края кольца, сохраняя дистанцию до башни. По мере приближения к башне становились видны новые детали.

Её поверхность состояла не из монолитного кристалла, а из множества тонких шестиугольных пластин, наложенных друг на друга подобно чешуе. Между пластинами проходили микроскопические светящиеся зазоры. Волков включил оптическое увеличение. Каждая пластина содержала сложный внутренний рисунок из тончайших каналов, напоминающих одновременно: микросхему; сосудистую сеть; и кристаллографическую решётку.

— Похожая геометрия повторяется на разных масштабах, — сказала Мирская. — Детали каналов ещё нужно подтвердить снимками.

Когда обзор башни открылся между двумя сегментами кольца, произошло новое событие. Тёмное отверстие в её вершине медленно изменило форму. Шестиугольное отверстие углубилось, словно внутри смещались сегменты. Из него поднялось серебристое облако сверкающих частиц. Мирская резко увеличила изображение.

— По оценке камеры, частицы порядка пятидесяти — восьмидесяти микрон.

Волков сразу узнал этот диапазон. Размеры совпадали с диапазоном поверхностных микрорисунков. Состав по изображению определить было нельзя. Но теперь они находились во взвешенном состоянии и медленно поднимались из глубины башни. Кравцов тихо сказал:

— Мне это совсем не нравится.

Облако не распространялось хаотично. Оно поднялось на несколько метров и начало формировать над отверстием тонкую шестиугольную сетку, похожую на полупрозрачную голограмму. Лидар показал наличие реальных частиц в пространстве. Сетка постепенно усложнялась. Внутри неё начали появляться новые линии, образуя объёмную схему, удивительно похожую на ту, что они видели на стелах, только теперь — в трёх измерениях. Мирская почти шёпотом произнесла:

— Это карта сети...

Волков быстро наложил изображение на орбитальные данные. Несколько крупных линий совпали с обследованным сектором. Модель могла отображать доступную им часть сети. Неизвестные ветви уходили за пределы карты. И одна из её областей — сектор, где находился «Арго-3», — светилась значительно ярче остальных. Кравцов медленно произнёс:

— Похоже, она показывает сеть.

От яркого сектора посадочного модуля к текущему положению экспедиции тянулась тонкая светящаяся линия. А от их текущего положения линия уходила вглубь башни, к центральному объёму модели. Словно система отображала маршрут перемещения экипажа внутри собственной структуры. В этот момент на панели связи вспыхнул экстренный вызов с «Тантала». Рейн выглядел потрясённым.

— Андрей, у нас огромная проблема.

— Что случилось?

Рейн вывел орбитальную карту. Вокруг кольца расширялась область перестройки. Светлые линии расходились по соседним ячейкам со скоростью около двухсот метров в секунду.

— Область растёт, — сказал Рейн. — Если нынешняя скорость сохранится, за несколько часов процесс выйдет далеко за пределы обследованного сектора.

Мирская смотрела то на орбитальную карту, то на светящуюся трёхмерную модель над башней. И вдруг тихо сказала:

— Андрей... посмотри внимательно.

Он перевёл взгляд на модель. Яркость сектора посадки действительно росла. Но одновременно росла яркость их текущего узла. И между этими двумя областями постепенно формировалась всё более сложная сеть соединений. Трёхмерная кристаллическая модель медленно вращалась в воздухе над башней. Светящиеся линии внутри неё становились всё ярче. А глубоко в центре конструкции, под идеально тёмным шестиугольным отверстием, начали подниматься три тонких серебристых луча, направленных прямо в сторону «Вектора».

Три серебристых луча поднимались из глубины башни медленно и абсолютно синхронно.

Они не были похожи на лазерное излучение. Скорее — на узкие столбы взвешенных кристаллических частиц, удерживаемых каким-то неизвестным полем. Внутри каждого луча мерцали тысячи микроскопических отражений, создавая впечатление жидкого серебра. Мирская первой нарушила молчание:

— Их три.

Кравцов тихо выругался. Волков отметил это соответствие, стараясь не принимать его за объяснение. По продолжению трёх направлений Волков получил точки, близкие к расположению кресел экипажа. Точность оценки зависела от ракурса и положения машины. Кравцов напряжённо спросил:

— Они наведены на нас?

— Пока нельзя утверждать, — ответил Волков, хотя сам уже почти не сомневался в этом. Он включил лидар.

Прибор показал, что лучи заканчиваются не на корпусе планетохода, а примерно в двух метрах перед ним, образуя в пространстве три небольшие области повышенной концентрации кристаллических частиц. Мирская внимательно изучала данные.

— Это похоже не на излучение, а на позиционирование.

— Поясни.

— Система как будто определяет три отдельные точки в пространстве и удерживает их координаты относительно нашего положения.

В этот момент произошло ещё одно изменение. Трёхмерная кристаллическая модель над башней начала медленно перестраиваться.

Яркий сектор посадочного модуля остался на месте, но вокруг текущего положения экспедиции появились три небольших светящихся узла, соединённых тонкими линиями с центральным комплексом. Кравцов резко повернулся к Волкову:

— Всё. С меня хватит. Это уже выглядит так, будто нас внесли в какую-то систему учёта.

Связь с «Танталом» снова ожила. Рейн говорил быстро, явно стараясь скрыть волнение:

— Андрей, мы наблюдаем новый тип активности. Центральный комплекс перестраивает не только локальный сектор. От него начали расходиться низкочастотные волны по всей континентальной сети.

На орбитальной карте появились медленно расширяющиеся концентрические кольца. Их скорость составляла около 210 м/с — почти ту же, что и у предыдущих сетевых импульсов. Первое кольцо уже достигло расстояния сорока километров от узла. Второе только формировалось. Мирская тихо сказала:

— Это похоже на глобальную синхронизацию сети.

Рейн кивнул:

— И ещё кое-что. Частота волн больше не фиксированная.

На экране появился спектральный график. Основной пик 7,8 Гц сохранялся, но поверх него возникали медленные модуляции с периодом около 72 секунд. Волков выделил медленную огибающую поверх основного компонента.

— Есть амплитудная модуляция. Назначение пока неизвестно.

Рейн удивлённо посмотрел на него:

— Ты тоже это видишь?

— Да. Это уже не простой резонанс. Это структурированный многокомпонентный сигнал.

Три серебристых луча начали пульсировать по очереди. Левый. Пауза. Центральный. Пауза. Правый. Затем цикл повторился снова. Мирская быстро запустила временной анализ.

— Интервал между пульсациями — ровно 24 секунды.

Волков посмотрел на схему расположения экипажа. Последовательность соответствовала: Мирская; Волков; Кравцов. Система словно последовательно обращалась к каждому из них отдельно. Кравцов побледнел:

— Нет. Нет-нет-нет. Скажите мне, что это не то, о чём я думаю.

Волков медленно ответил:

— Я бы очень хотел это сказать.

Внезапно центральный луч, соответствующий положению Волкова, стал ярче остальных. Одновременно его биомонитор зафиксировал слабый всплеск активности в диапазоне 8,0 Гц. Волков почувствовал странное ощущение — не звук, не мысль, а скорее очень слабое внутреннее ожидание, словно мозг пытался уловить почти неслышимый ритм. Он резко сжал подлокотник кресла. Ощущение исчезло. Мирская внимательно смотрела на экран.

— Изменения на внешнем и биомедицинском каналах совпали по времени.

Кравцов повернулся к нему:

— Что ты почувствовал?

Волков несколько секунд молчал, пытаясь подобрать точные слова.

— Сообщения не было. Очень слабое ощущение ожидания. Запишите это отдельно от приборной реакции.

Волкову хотелось объяснить ощущение известным механизмом. Но без понимания поля и измерительного тракта сравнение с фазовым захватом оставалось только аналогией. Центральный узел раскрылся, и внутри него появилась новая структура — три вложенных шестиугольника, соединённых с тремя светящимися точками, обозначающими экипаж. Затем все остальные элементы модели начали медленно гаснуть. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УЗЕЛ → ТРИ СВЯ-

ЗАННЫЕ ТОЧКИ. Прежние ветви карты погасли. Осталась схема, которую они связывали с текущим взаимодействием.

Волков уже не мог считать себя независимым наблюдателем. За прозрачным куполом «Вектора» три серебристых луча продолжали медленно пульсировать в темнеющем воздухе чужой планеты. И Волков впервые по-настоящему испугался того, что произойдёт, если один из этих ритмов совпадёт полностью.

— Нужно проверить одну вещь, — сказал он.

Кравцов посмотрел на него так, словно ожидал услышать приказ немедленно покинуть комплекс.

— Какую ещё вещь?

— Сравним запись с дыханием. Сейчас оно и так сбилось.

— Только не устраивай новый опыт над собой.

Волков согласился. Самому назначать дополнительное воздействие после непонятного ощущения было бы безрассудно.

— Ничего на сеть не подаём. Минуту спокойно дышу, ты следишь за временем отхода.

Он повернулся к Мирской.

— Елена, включи тихий метроном. Мне нужно восстановить ровное дыхание.

Она мгновенно поняла замысел. Мирская отметила изменение дыхания в журнале. Оно могло повлиять и на состояние Волкова, и на помехи в биомедицинской записи. Мирская включила метроном на восемь дыхательных циклов в минуту. Волков начал дышать по заданному ритму. Прошло около минуты. За эту минуту выделенный пик на биомониторе сместился с 8,02 до 7,74 Гц. И в тот же момент центральный серебристый луч впервые нарушил свой цикл. Он пропустил одну пульсацию. Кравцов резко выпрямился:

— Видели?!

Мирская уже отмечала временные метки. Следующая пульсация произошла не через двадцать четыре секунды, а через двадцать семь. После этого цикл постепенно вернулся к прежнему интервалу. Изменение внешнего цикла совпало с этой минутой. Одного совпадения было недостаточно для установления обратной связи.

— Похоже на подстройку, — сказала Мирская. — Но здесь несколько меняющихся факторов.

Кравцов мрачно пробормотал:

— Или попытка подстройки.

Волков сохранил запись эксперимента и начал строить временную диаграмму. На диаграмме рядом оказались изменение дыхания, смещение биомедицинского пика и задержка пульсации. Проверить причинность в этой обстановке было нельзя. Мирская внимательно изучала график.

— Андрей, посмотри на характер восстановления.

Интервал 27 секунд → 25 секунд → 24 секунды.

— По форме напоминает восстановление после возмущения. Аналогия с фазовой подстройкой, не установленный механизм.

Кравцов невесело усмехнулся:

— Отлично. Значит, у планеты есть собственный ФАПЧ.

Трёхмерная модель над башней снова изменилась. Три светящиеся точки, соответствующие экипажу, начали медленно вращаться вокруг центрального узла, сохраняя постоянное взаимное расстояние. Он быстро сравнил угловую скорость вращения модели с положением серебристых лучей. Совпадение оказалось почти идеальным. Положение точек менялось вместе с лучами. Отображалось не только число источников, но и их взаимное расположение. И тогда Мирская заметила ещё одну деталь.

— Андрей... центральная точка модели изменила яркость.

Действительно, после эксперимента с дыханием центральный узел стал светиться чуть интенсивнее. Связь с «Танталом» внезапно прервалась короткой помехой. На экране появилось сообщение: **ОРБИТАЛЬНЫЙ КАНАЛ НЕСТАБИЛЕН**. Рейн вернулся через несколько секунд, но изображение заметно искажалось.

— У нас растут низкочастотные помехи по всему орбитальному сектору. Источник — центральный комплекс.

— Насколько серьёзно? — спросил Волков.

— Пока связь держится, но спектр становится всё сложнее. Появились компоненты, которых мы раньше не наблюдали.

Он вывел короткий список: 7,8 Гц. 15,6 Гц. 23,4 Гц. 31,2 Гц.

— Система расширяет спектр активности, — тихо сказал он.

Рейн кивнул:

— И ещё одно. Центральный комплекс начал излучать короткие широкополосные импульсы с периодом 72 секунды.

Мирская резко посмотрела на свой таймер. До следующего импульса оставалось двенадцать секунд. Таймер отсчитывал секунды. Волков почувствовал, как сердце начинает биться быстрее. И в этот момент центральная башня вспыхнула изнутри. Наоборот — свет словно прошёл через всю её внутреннюю структуру, проявив на долю секунды сложнейшую сеть каналов, уходящих глубоко под поверхность. Одновременно все приборы «Вектора» зарегистрировали мощный, но очень короткий импульс. Экраны мигнули. Магнитометры ушли в перегрузку.

На биомедицинских каналах одновременно появился всплеск. После перегрузки магнитометров отделить реакцию человека от общей помехи было особенно трудно. Импульс длился меньше 0,2 секунды. Три серебристых луча исчезли. Трёхмерная модель над башней рассыпалась облаком кристаллических частиц. И на поверхности ближайшей кристаллической пластины начал медленно проявляться новый рисунок. А три сложных спирально-шестиугольных структуры, каждая из которых отличалась от двух других. Активная последовательность изменилась.

Волков подумал о сохранённых сигнатурах. Три разных рисунка могли быть результатом регистрации трёх источников. Что именно сеть различала, он не знал. Мысль о том, что планета запомнила каждого из них, была страшнее самих рисунков. Теперь они были видны совершенно отчётливо: три отдельных рисунка, объединённых общим шестиугольным каркасом, но различающихся внутренней геометрией. Волков увеличил изображение. Первый рисунок содержал больше радиальных сегментов. Второй — сложную сеть замкнутых шестиугольных контуров.

Третий состоял преимущественно из спиральных ветвей, уходящих к периферии структуры. Мирская тихо произнесла:

— Они действительно не одинаковые.

Кравцов напряжённо спросил:

— Можно определить, какой из них кому соответствует?

На панели анализа изображения вспыхнула новая отметка: **СОПОСТАВЛЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЕЙ**. Волков сравнил мерцание трёх рисунков с автономными биомедицинскими записями. Наибольшее сходство программа отметила так: Рисунок А — максимальная корреляция с Волковым. Рисунок В — с Мирской. Рисунок С — с Кравцовым. Кравцов выругался уже без всяких попыток скрыть тревогу.

— Нет. Этого не может быть.

Это было соответствие в одном наборе данных. Волков сохранил исходные записи, чтобы проверить результат независимо. Если предположение о регистрации было верным, сеть могла различать устойчивые особенности сигналов, а не мысли. Какие параметры ей доступны, оста-

валось неизвестно. Даже слово «сигнатура» пока было удобным обозначением наблюдения. Мирская внимательно изучала второй рисунок.

— Андрей... посмотри на масштаб вложенных контуров.

Он наложил сетку измерений. Отношение размеров нескольких вложенных элементов было близко к 1,6. В других частях рисунка пропорция менялась. Волков сохранил измерения. Приписывать этому отношению особую функцию без проверки было рано.

— Похоже на вложенную запись, — сказал он.

Кравцов посмотрел на него с мрачным сарказмом:

— Ты сейчас восхищаешься тем, что нас записали в память чужой планеты?

В этот момент центральная башня изменилась снова.

Тёмное шестиугольное отверстие в её вершине начало медленно закрываться. Сегменты кристаллических пластин плавно смещались внутрь, пока отверстие не превратилось в обычную грань башни. Одновременно уровень электромагнитного шума начал постепенно возвращаться к нормальным значениям. На панели появились новые данные: **ФОНОВЫЙ СПЕКТР ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ**. 7,8 Гц — отсутствует. 15,6 Гц — отсутствует. 23,4 Гц — отсутствует. Кравцов первым заметил главное:

— Она отключилась?

Волков внимательно следил за графиками.

— Измеряемая активность снизилась. Что происходит внутри, мы не знаем.

Смена режимов казалась упорядоченной, хотя содержание процедуры оставалось неясным. Связь с «Танталом» неожиданно стабилизировалась. Рейн появился на экране уже без искажений.

— Помехи резко упали. Что у вас произошло?

Волков кратко описал последние события: исчезновение лучей, распад трёхмерной модели и появление трёх индивидуальных кристаллических структур. Наконец Рейн тихо сказал:

— Андрей... орбитальная сеть тоже изменилась.

Он вывел новую карту. Глобальная перестройка поверхности, которая распространялась от кольцевого комплекса, почти полностью остановилась. Все остальные шестиугольные ячейки постепенно возвращались к исходному состоянию. Мирская медленно произнесла:

— Значит, процесс был локализован.

— Или система получила всю необходимую информацию и прекратила дальнейшее расширение активации.

Рейн сохранил обе карты для сравнения. Кравцов тяжело откинулся в кресле.

— Хорошо. Допустим, нас идентифицировали, записали и сохранили в своей кристаллической библиотеке. Что теперь?

Волков посмотрел на медленно гаснущие спиральные структуры на пластине. Остались три рисунка — то, что они пока называли сигнатурами. Мирская тихо сказала:

— Андрей... а если это был не контакт в человеческом смысле?

Он посмотрел на неё.

— Тогда что?

Она задумчиво подбирала слова.

— Представь древнюю распределённую систему, предназначенную для обнаружения и регистрации новых типов сложных биологических сигналов. Её задача может заключаться не в общении, а в архивировании и классификации.

Волков представил такую систему: она могла классифицировать источники автоматически, не пытаясь вступить в разговор. Волков снова посмотрел на башню. На панели навигации мигнула отметка времени: 13:42 местного. Они находились у центрального узла уже почти час. Один из спиральных рисунков — тот, который программа сопоставила с записью Волкова,

— внезапно вспыхнул ярче остальных. Однако приборы успели зарегистрировать короткий импульс: ЧАСТОТА: 7,8 Гц. Одиночный пакет. Последний пакет нарушил ощущение завершённости.

Волков больше не был уверен, что их участие закончилось. Одиночный импульс длился всего 0,14 секунды. Кравцов первым нарушил молчание:

— Андрей... ты это видел?

На временной диаграмме рядом стояли вспышка рисунка А, внешний пакет и изменение на автономном канале Волкова. На двух других каналах похожего изменения не было. Мирская внимательно смотрела на экран.

— Система обратилась не к группе.

— Контрольный тест.

Волков проверил автономную регистрацию своего биомонитора и отключил его оставшийся интерфейс передачи данных. Затем они стали ждать. Кравцов уже начал заметно расслабляться, когда спиральный рисунок А вспыхнул снова. Внешний пакет вновь зарегистрировал независимый магнитометр. 7,8 Гц. Одиночный пакет. И снова только ЭЭГ Волкова показала короткий фазовый отклик. Мирская медленно произнесла:

— Общая шина регистрации этого не объясняет. Остальные варианты ещё остаются.

Отклик сохранялся при автономной регистрации. Это сужало поиск, но не исключало влияние внешнего поля на сам датчик. Мирская неожиданно сказала:

— Андрей, посмотри на рисунок А внимательнее.

Он увеличил изображение. Внутри спирально-шестиугольной структуры действительно происходили едва заметные изменения. Один из внутренних контуров медленно пульсировал с периодом около пяти секунд. Волков автоматически сравнил период с архивом. Это был тот же интервал, который они наблюдали между ранними пакетами 7,8 Гц ещё у посадочного модуля. Кравцов нахмурился:

— Что если это не просто запись, а активный объект данных?

Рисунок не выглядел статичным отпечатком. Он вёл себя как поддерживаемая динамическая структура. В этот момент на поверхности вокруг башни начали происходить новые изменения.

Тонкие светящиеся линии, уходившие от центрального комплекса к периферии кольца, медленно погасли. Остался только один активный канал — тот самый, который вёл в сторону сектора посадки. Рейн подтвердил наблюдение:

— Активность сохранилась только по коридору узел — Арго-3. Все остальные магистрали перешли в фоновый режим.

Мирская тихо сказала:

— Как будто система оставила единственный поддерживаемый маршрут связи.

Сохранённый коридор связывал базу и место их нынешнего пребывания. Был ли он выделен именно для людей, Волков не знал. Кравцов посмотрел на него в упор:

— Я задам прямой вопрос. Ты хочешь остаться здесь и продолжать это взаимодействие?

Волков долго молчал. Он смотрел на тёмную башню, на три спиральных паттерна и на единственный светящийся канал, уходящий к далёкому «Арго-3».

— Мы получили всё, что могли получить пассивным наблюдением, — сказал он наконец. — Дальнейшее пребывание рядом с центральным узлом без понимания механизма взаимодействия становится неоправданным риском.

Кравцов впервые за долгое время заметно расслабился.

— Тогда уходим, — сказал Кравцов, уже проверяя обратный путь.

Мирская, однако, продолжала смотреть на спиральный рисунок А.

— А если система ожидает завершения процедуры?

Волков почувствовал, как внутри снова появляется сомнение. Именно в этот момент его паттерн вспыхнул в третий раз. Но теперь произошло нечто новое. После одиночного импульса 7,8 Гц на внутреннем экране навигационной системы «Вектора» самопроизвольно появилось короткое сообщение диагностики: НЕИЗВЕСТНЫЙ ВНЕШНИЙ СИНХРОСИГНАЛ. Система не показывала никаких текстовых данных, координат или команд. Только факт синхронизации. Волков быстро проверил журнал. Внешний пакет совпал с диагностическим событием в отдельном модуле навигационного блока.

Диагностическое событие длилось меньше пяти сотых секунды. Изменений программы при первичной проверке не обнаружили. Но сам факт был зафиксирован. Мирская подняла взгляд:

— Совпадение теперь есть и на цифровом модуле. Нужно проверить питание и генератор тактов.

Кравцов тихо выругался. Волков почувствовал, как внутри всё холодеет. Похожее событие могло быть помехой, неисправностью либо новым проявлением того же процесса. Волкову стало ясно одно: навигационный блок нельзя было оставлять связанным с управлением. За прозрачным куполом «Вектора» центральная башня оставалась неподвижной и тёмной.

Лишь одинокий спиральный паттерн Волкова продолжал едва заметно пульсировать на поверхности кристаллической пластины, словно подтверждая, что связь между ним и системой RS-417 ещё не разорвана окончательно. 13:47:12 — external sync event detected. duration: 0.047 s. source: undefined. Никаких изменений памяти, никаких новых процессов, никаких повреждений. Запись показывала сбой синхронизации. Его связь с внешним пакетом требовала проверки. Мирская тихо сказала:

— Прежде чем уходить, нужно понять, что именно произошло с навигационным блоком. Перед разворотом они включили частичную изоляцию.

Волков отключил наружные антенны и беспроводные интерфейсы, физически разорвал связь подозрительного навигационного процессора с приводами и основной бортовой сетью. Жизнеобеспечение и ручное управление работали независимо. Затем запустил побитовую проверку памяти. Изменений программы проверка не выявила. В диагностическом буфере осталась запись интервалов внутреннего генератора: 128 — 256 — 384 — 640 — 1024.

Это не было содержимым памяти в обычном смысле. Скорее — записью временной структуры внутреннего генератора, возникшей в момент внешней синхронизации. Мирская внимательно посмотрела на последовательность. Все значения были кратны 128. После деления получалась последовательность 1, 2, 3, 5, 8. Кравцов мрачно усмехнулся:

— Только не говорите, что планета начала передавать нам двоичный код.

Волков покачал головой.

— Сначала проверим, как диагностика считает интервалы. Такой ряд может возникнуть и из-за устройства самого регистратора.

Он сохранил данные в отдельный защищённый архив. Именно в этот момент спиральный паттерн А вспыхнул снова. На этот раз одновременно с ним вспыхнул и единственный активный канал, ведущий к сектору посадки. На поверхности перед «Вектором» проступили две светящиеся линии, вытянутые от башни в сторону базы. Мирская первой заметила это.

— Андрей...

Кравцов резко выдохнул:

— Она показывает нам дорогу назад.

Связь с «Танталом» снова ожила. Рейн выглядел заметно спокойнее, чем раньше.

— Орбитальная активность продолжает снижаться. Центральный комплекс возвращается к базовому фоновому режиму.

— Есть новые аномалии? — спросил Волков.

— Только одна.

На карте осталась тонкая светящаяся линия между кольцевым узлом и посадочным сектором. Все остальные магистрали были практически неактивны. Рейн помолчал и добавил:

— Андрей... с орбиты это выглядит так, будто сеть оставила выделенный канал между собой и вашей экспедицией.

Волков принял решение.

— Уходим.

Кравцов немедленно запустил двигатели. «Вектор» медленно развернулся. В тот же момент произошло последнее событие. Все три спиральных паттерна одновременно вспыхнули ярче, чем когда-либо прежде. Но теперь они не оставались на месте. Тонкие светящиеся линии начали стягиваться к центру каждого рисунка, словно огромная кристаллическая структура сворачивала собственное изображение. Через несколько секунд на поверхности пластины остались только три маленькие светящиеся точки. Затем две из них погасли. Осталась одна.

Та, которую они сопоставили с записью Волкова. Она пульсировала медленно и ровно — примерно раз в пять секунд. Так это выглядело с их стороны: два маркера погасли, один продолжал меняться. «Вектор» начал удаляться от центрального комплекса. Когда расстояние превысило двести метров, магнитный фон заметно снизился. $31,2 \rightarrow 27,8 \rightarrow 24,1$ мкТл. Частоты на биомедицинских каналах снова разошлись к исходным значениям. Но одиночная светящаяся точка на пластине всё ещё была видна через заднюю камеру. Мирская тихо сказала:

— Андрей... она не гаснет.

Даже когда башня начала скрываться за изгибом внутреннего кольца, маленькая серебристая точка продолжала пульсировать с прежним интервалом. Раз в пять секунд. Кравцов сосредоточенно вёл машину, стараясь не смотреть на экран задней камеры.

— Я очень надеюсь, что это просто маркер завершённого контакта.

Волков медленно произнёс:

— А если нет?

Никто не ответил. За их спиной гигантский шестиугольный комплекс постепенно погружался в неподвижность. «Вектор» медленно спускался с внутренней террасы кольцевого комплекса. Кравцов первым заговорил после долгого молчания:

— Предлагаю договориться сразу. Когда вернёмся на «Арго-3», всё оборудование проходит полную карантинную проверку.

— Согласен, — ответил Волков.

— И никаких подключений навигационного блока к основной сети модуля, пока мы не поймём, что это за синхрособытие.

— Тоже согласен.

За границей активной ячейки обычные звуки машины стали заметнее: гудение преобразователей, шум вентиляторов, вибрация подвески. Кравцов облегчённо выдохнул:

— Вот это уже похоже на нормальную реальность.

Волков невольно подумал, что всего несколько часов назад именно эта механическая вибрация казалась бы раздражающим шумом. Теперь она воспринималась почти как доказательство принадлежности к человеческому миру техники. Когда до резонансной ячейки В-1 оставалось около километра, Мирская внезапно нахмурилась.

— Стоп. Посмотрите на магнитный фон.

Волков перевёл взгляд на приборы. $24,1 \rightarrow 22,8 \rightarrow 21,9$ мкТл. Фон действительно снижался, что было ожидаемо. Но поверх плавного спада появлялись очень слабые периодические колебания. Внутри пакетов амплитуда компонента 7,8 Гц составляла около 0,3 мкТл. Сами пакеты повторялись примерно раз в пять секунд. Кравцов тихо сказал:

— Нет... только не снова.

Волков быстро запустил спектральный анализ. Пик оказался точно там, где он и опасался его увидеть: 7,8 Гц. Источник колебаний определялся не впереди, а внутри «Вектора». Мирская первой нарушила молчание:

— Локализуй источник.

Волков включил внутреннюю диагностику. Сигнал не шёл от навигационного блока. Не от силовой системы. Не от биомедицинского оборудования. После нескольких секунд поиска программа выдала результат:

Максимум регистрировался возле научного отсека с опломбированными образцами. Среди них были контрольная пыль с базы, проводящая прослойка и материал, собранный дроном у промежуточного узла. Кравцов медленно повернулся к Волкову:

— Мы ведь не брали образцы из самой башни?

Мирская уже открывала список контейнеров. Все пломбы были на месте. И теперь он исходил изнутри их собственной машины.

Волков отключил питание исследовательской аппаратуры и физически отсоединил научный отсек от общей шины данных. Внешняя связь продолжала работать через отдельный контур. Такая развязка защищала бортовую сеть, но не останавливала поле изнутри отсека. Кравцов напряжённо спросил:

— Он усиливается?

Волков сравнил последние три цикла. Амплитуда трёх последних пакетов оставалась около 0,28 мкТл. Мирская уже просматривала список контейнеров.

— У нас в центральном отсеке семь образцов:

кристаллическая пыль сектора посадки; фрагмент шестиугольного узора; образец проводящей прослойки разлома; микрокристаллы промежуточного узла; фрагменты поверхности резонансной ячейки; атмосферный конденсат активной зоны; контрольный инертный образец.

— Останавливаемся, — решил он.

«Вектор» замер посреди серой равнины. Снаружи не было видно никаких признаков активности сети. Только далёкие шестиугольные полосы уходили к горизонту, а кольцевой комплекс уже почти скрылся в серебристой дымке. Они остались в скафандрах. Волков включил дистанционный манипулятор научного отсека и открыл его внутреннюю защитную крышку, не нарушая герметичности контейнеров. Сигнал сразу вырос до 0,41 мкТл. Кравцов тихо выругался:

— После открытия показание выросло. Возможно, просто стало меньше экранирующих слоёв.

Манипулятор провёл портативный магнитометр вдоль контейнеров. Первые два образца — ноль. Третий контейнер, с фрагментом проводящей прослойки, показал слабое повышение фона, но без ритмической структуры. Когда датчик приблизился к контейнеру №4, прибор резко выдал знакомый пик. 7,8 Гц. Все трое замерли. Мирская медленно произнесла:

— Промежуточный узел.

Манипулятор перенёс запечатанный контейнер на отдельную площадку. Внутри находилось всего несколько миллиграммов серебристых микрокристаллов, собранных дистанционным дроном у пятидесятиметровой резонансной структуры. На вид они ничем не отличались от обычной кристаллической пыли RS-417. Но магнитометр продолжал фиксировать стабильный ритм. Не вскрывая контейнера, Волков записал спектр на изолированной измерительной площадке. Максимум сигнала был связан с положением контейнера №4.

Более того, он содержал не только основную частоту 7,8 Гц, но и чрезвычайно слабые гармоники: 15,6 Гц. 23,4 Гц. Кравцов недоверчиво посмотрел на экран:

— Откуда у нескольких миллиграммов материала энергия для этого?

— Не знаем. Возможно, наведённое состояние или внешнее возбуждение. Сначала проверим, как сигнал меняется под экраном.

Мирская нахмурилась:

— То есть?

— Он мог сохранить состояние, приобретённое в узле. Но сама сохранённая конфигурация ещё не объясняет устойчивое излучение.

— Как магнитная доменная память? — спросила Мирская.

— Как аналогия — да. Механизм и источник энергии здесь не установлены.

Мысль о сохранённом состоянии была менее пугающей, чем предположение о продолжающейся связи с сетью. Но выбирать объяснение по степени тревоги было нельзя. Манипулятор поместил контейнер внутрь переносного цилиндра с многослойным ферромагнитным экраном. Сигнал мгновенно ослаб почти в десять раз. $0,41 \rightarrow 0,05$ мкТл. Но не исчез полностью. Кравцов медленно сказал:

— Экран ослабил то, что приходит от контейнера. Это ещё не говорит, работает ли образец самостоятельно.

Удалось локализовать участок, связанный с сигналом. Но ослабление не исключало ни внутренний источник, ни отклик на внешнее возбуждение. Когда манипулятор поднёс цилиндр ближе к рабочему месту Волкова, его биомонитор отметил короткое изменение. **КРАТКОВРЕМЕННАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ: 7,8 Гц. Длительность — 0,18 секунды.** Мирская сразу заметила изменение на экране.

— Что случилось?

Он медленно поднял взгляд:

— Когда цилиндр оказался рядом, на моём канале был короткий отклик.

Кравцов нахмурился:

— От образца?

— Похоже на то.

По форме запись напоминала прежние эпизоды. Амплитуды разных каналов напрямую сравнивать было нельзя. Волков велел отвести цилиндр обратно в отсек. Повторять сближение с человеком они не стали. Мирская первой сформулировала то, о чём подумали все:

— Андрей... а если промежуточный узел не просто сохранил своё состояние?

Она посмотрела на закрытый цилиндр.

— Что если он сохранил часть механизма взаимодействия с биологическими сигналами?

У них оказался переносимый образец с устойчивой активностью. Слово «фрагмент системы» больше не звучало отвлечённо. Манипулятор закрепил цилиндр в дополнительном контейнере. Ферромагнитный экран ослаблял поле; керамические опоры и вакуумная прослойка уменьшали другие пути связи с машиной. Сигнал снизился до $0,03$ мкТл — почти на границу чувствительности приборов. Кравцов заметно расслабился.

— Вот так уже лучше.

После доклада на орбиту они продолжили движение. Волков передал на базу требование подготовить отдельную камеру и запретить подключение оборудования «Вектора» к сети модуля. До посадочного сектора оставалось около сорока километров. Через сорок минут пути Мирская внезапно нахмурилась.

— Андрей, у нас новая странность.

Она вывела на экран данные инерциальной системы. Курс оставался стабильным, но изолированный навигационный модуль раз в пять секунд рассчитывал поправку примерно в $0,02$ градуса. Кравцов удивлённо посмотрел на приборы:

— Я ничего не корректирую.

Волков быстро проверил журналы управления. В журнале не было соответствующих команд водителя или управляющего контура. Поправки появлялись в данных блока стабилизации. Интервал между ними был почти идеально равен $5,01$ секунды. Волков ещё раз проверил физическую развязку навигационного процессора и приводов. «Вектор» продолжал двигаться

под ручным управлением Кравцова. На траекторию машины расчётные поправки не влияли. orientation sync event. $\Delta\theta = 0.019^\circ$. Кравцов тихо произнёс:

— Это уже не похоже на случайную помеху.

События повторялись с тем же пятисекундным интервалом, что и внешние пакеты. Мирская задумчиво сказала:

— Возможно, навигационный блок пытается синхронизировать ориентацию с внешней геометрией сети.

Чтобы проверить её, Волков наложил направление микрокоррекций на карту шестиугольных линий поверхности. Все коррекции были направлены не произвольно, а в сторону ближайшей магистральной шестиугольной оси, ведущей к сектору посадки. Кравцов мрачно усмехнулся:

— Отлично. Теперь даже наш гироскоп хочет ехать по правилам чужой планеты.

Поле могло влиять на чувствительный измерительный тракт. Но объяснить таким сравнением работу гироскопа, как работу компаса, было нельзя. Нужна была наземная проверка прибора с независимым эталоном. До неё все подозрительные поправки оставались только в диагностическом журнале. Связь с «Танталом» снова стала устойчивой. Рейн внимательно выслушал их доклад об автономном образце и микрокоррекциях навигации.

— Мы проверили орбитальные магнитные карты, — сказал он. — Между центральным узлом и вашим сектором действительно существует слабый линейный градиент поля.

— Насколько слабый?

— Порядка 0,1 мкТл на километр.

Волков сохранил оценку градиента. Без испытаний гироскопа нельзя было вычислить, достаточно ли такого поля для наблюдаемой ошибки. Мирская тихо сказала:

— Есть пространственная закономерность. Но канал связи этим ещё не доказан.

Рейн помолчал и добавил:

— И ещё кое-что. Мы сравнили направление вашего обратного маршрута с глобальной геометрией шестиугольной сети. Вы сейчас движетесь почти точно вдоль одной из главных осей всей континентальной структуры.

Сигнал от экранированного образца оставался слабым и стабильным. 0,03 мкТл. 7,8 Гц. Без усиления. Без новых гармоник. Солнце RS-417 начало заметно снижаться к горизонту. Длинные тени от редких кристаллических выступов вытянулись по поверхности, придавая равнине ещё более чужой и древний вид. На карте уже был хорошо виден посадочный сектор. Мирская вывела изображение базы с орбитального канала. На фоне чужой равнины маленький «Арго-3» казался единственной точкой опоры. Кравцов тихо сказал:

— Никогда бы не подумал, что буду рад видеть собственный посадочный модуль.

Экранированный контейнер неожиданно выдал двойной пакет. 7,8 Гц — пауза — 7,8 Гц. Все трое мгновенно замерли. Похожий двойной пакет они уже видели у стел. Теперь изменилась запись контейнера. Кравцов резко повернулся к научному отсеку:

— Скажи, что это не то, о чём мы думаем.

Локализация по-прежнему указывала на контейнер. Отсутствие всплеска на внешнем датчике не исключало воздействия, которого тот не регистрировал. Мирская уже анализировала спектр.

— Смотри.

После второго импульса в течение примерно двух секунд в сигнале появился слабый компонент 15,6 Гц — вторая гармоника базового ритма.

— Полная изоляция контейнера, — приказал он.

В экранирующем модуле включили активную компенсацию поля у контрольного датчика. Контейнер закрепили на амортизирующих опорах. Это уменьшало измеряемую связь, но не

гарантировало полной изоляции. Кравцов уже начал облегчённо выдыхать, когда прибор внезапно зарегистрировал ещё один двойной пакет. Мирская медленно произнесла:

— Экранирование ослабляет сигнал, но не подавляет его полностью.

Характерная форма пакета сохранялась после усиления экранирования. Был ли образец автономным источником или возбуждался извне, оставалось неясно. Связь с «Танталом» ожила почти одновременно с третьим циклом измерений. Рейн выглядел встревоженным.

— Андрей, мы только что зарегистрировали короткую активность в секторе центрального узла.

Волков резко поднял голову.

— Когда именно?

Рейн вывел временную метку. После приведения записей к общей шкале времени всплеск у узла предшествовал пакету контейнера примерно на 1,7 секунды. До центрального комплекса было уже несколько десятков километров. Эта разница могла включать время локального отклика и задержки измерительных трактов. Одна пара событий не доказывала связь. Мирская тихо сказала:

— Сравним больше циклов. Возможно, общий процесс запускает оба изменения, но пока у нас только совпадение во времени.

Солнце RS-417 опустилось низко над горизонтом, и поверхность начала приобретать глубокий графитовый оттенок. Шестиугольные полосы на поверхности впереди стали едва заметно светиться. Кравцов сбросил скорость.

— Вы это видите?

Волков включил внешнее усиление изображения. Светящиеся линии действительно образовывали непрерывный коридор, тянувшийся от их текущего положения к сектору посадки. Он состоял из двух параллельных светящихся нитей, между которыми расстояние составляло около трёх метров — почти точно ширина колеи «Вектора». Мирская прошептала:

— Как будто сеть знает размеры нашей машины.

Он сохранил ширину коридора и положение следов колёс для сравнения. Они продолжили движение по светящемуся коридору. В журнале изолированного навигационного блока перестали появляться расчётные поправки. Кравцов по-прежнему вёл машину вручную. Пока «Вектор» шёл между линиями, повторных поправок в записи не было. Кравцов невесело усмехнулся:

— Поздравляю. Мы официально едем по дороге, которую для нас проложила чужая планета.

До «Арго-3» оставалось около девятнадцати километров, когда экранированный контейнер выдал новый сигнал. Но одновременно с ним на внешней поверхности ближайшей светящейся линии возникла короткая вспышка, словно коридор ответил на сигнал образца. События совпали и вне кольцевого комплекса. Образец мог быть связан с местной средой, но направление взаимодействия оставалось неизвестным. Мирская медленно произнесла:

— Андрей... а если мы сейчас везём к «Арго-3» не просто образец?

Он посмотрел на едва заметно пульсирующий контейнер. Кравцов первым нарушил молчание:

— Нет. Даже не начинай.

Волков отвёл взгляд от контейнера.

— Я не утверждаю, что это так. Но мы обязаны рассматривать все рабочие гипотезы.

Мирская тихо сказала:

— Тогда сформулируем их честно.

Она вывела на экран три варианта: Сохранённое состояние — образец постепенно теряет наведённую конфигурацию; пассивный резонатор — образец откликается на внешнее воздей-

ствие; активный узел — образец сам поддерживает процесс и может влиять на окружающую среду. Кравцов ткнул пальцем в третий пункт.

— И именно этот вариант мне категорически не нравится.

Светящийся коридор продолжал тянуться впереди, мягко мерцая в сумерках RS-417. Теперь он был виден совершенно отчётливо: две параллельные серебристые линии, между которыми «Вектор» двигался почти как по древней направляющей системе. На ровном участке Кравцов слегка сместился вправо, обходя выступ.

— Отмечаю положение, — сказал Волков.

Мирская сопоставила координаты с журналом навигационного блока. Как только правые колёса вышли за пределы светящегося коридора, навигационный блок снова зарегистрировал серию микрокоррекций ориентации: $\Delta\theta = 0,021^\circ$. $\Delta\theta = 0,018^\circ$. $\Delta\theta = 0,020^\circ$. Кравцов вернул машину на прежний курс. Машина снова вошла между светящимися линиями. Микрокоррекции исчезли мгновенно. Мирская медленно произнесла:

— Поправки совпадают с выходом за линию. Это наблюдение нужно повторить при проверке оборудования.

Пока практическое решение было простым: сохранять ручное управление и двигаться по проверенному ровному участку. Через час пути впереди наконец появились яркие огни посадочного сектора.

На фоне тёмной равнины RS-417 «Арго-3» выглядел почти уютно: белые навигационные маяки, слабое голубоватое свечение реакторного блока и мигающий посадочный огонь аварийного контура. Кравцов облегчённо выдохнул. Светящийся коридор не обрывался у границ сектора. Он продолжал тянуться прямо к модулю и заканчивался точно у грузового шлюза научного отсека. Мирская первой увидела это. Кравцов тихо выругался:

— Это уже слишком точное совпадение.

Они остановили «Вектор» примерно в ста метрах от модуля. Волков немедленно связался с базой.

На экране появился Седов. После сообщения об активном образце он спустился с «Тантала» на посадочном аппарате, передав орбитальную вахту старшему помощнику. Теперь капитан находился на «Арго-3» и контролировал подготовку карантина.

— Доклад.

Волков доложил об узле, трёх рисунках, биомедицинских записях, сбое навигационного блока и активности контейнера. Отдельно он отметил совпадение коридора с направлением к грузовому шлюзу. Седов слушал молча. Когда доклад закончился, он спросил только одно:

— Образец сейчас активен?

Волков посмотрел на приборы. Сигнал был слабым, но устойчивым. 7,8 Гц. 0,012 мкТл.

— Да.

Капитан несколько секунд молчал, затем произнёс:

— Тогда действуем по протоколу «Биологический и технологический карантин — уровень два».

Седов велел оставить «Вектор» вне жилого контура. Научный отсек базы можно было отделить от него герметически, обесточить и вести наблюдение автономными приборами.

— Оставить контейнер снаружи можно, — сказал капитан. — Но там мы не контролируем ни среду, ни положение образца. В отдельной камере сможем регистрировать изменения и удалить его дистанционно. Это не снимает риск. Новых опытов до проверки изоляции не будет.

Подготовка заняла полчаса. На «Арго-3» герметизировали научный отсек, отключили внутренние транспортные линии и развернули автономную систему экранирования. Для контейнера подготовили отдельную камеру хранения с дополнительным магнитным экраном. Её биологическая герметичность сама по себе не считалась защитой от неизвестного поля. Кравцов мрачно заметил:

— Забавно. Мы готовились к чужой биологии, а получили чужую кристаллографию.

Наконец шлюз открылся. «Вектор» медленно подкатил к грузовому входу. Снаружи стояла почти абсолютная тишина. Только слабый ветер шуршал по кристаллической поверхности. Закрытый контейнер извлекли из научного отсека с помощью манипулятора базы и направили в изолированную камеру. И в этот момент произошло последнее событие этого долгого дня. Все внешние камеры «Арго-3» одновременно зафиксировали короткую вспышку вдоль светящегося коридора.

Серебристые линии на поверхности вспыхнули чуть ярче, и волна свечения быстро прошла от горизонта к посадочному модулю. Ровно в ту секунду, когда контейнер пересёк границу шлюза. Затем светящиеся линии начали медленно гаснуть. Вспышка совпала с переносом контейнера. Волков сохранил обе записи, не зная, чем именно была связана эта последовательность. Седов, наблюдавший за происходящим через камеры, тихо сказал по внутренней связи:

— Андрей... ты понимаешь, что это означает?

Волков смотрел на дверь камеры, за которой продолжал регистрироваться слабый ритм 7,8 Гц. Он не ответил сразу. Вместо объяснения у них пока был только новый объект и запись его переноса через шлюз. Экспедиция только что завершила возвращение с центрального узла RS-417. Но вместе с людьми в «Арго-3», возможно, впервые вошёл активный фрагмент чужой планетарной сети. И теперь граница между исследователями и объектом исследования могла оказаться намного менее определённой, чем им хотелось верить.

Глава 5. Карантинный отсек

Шлюз закрылся с глухим металлическим ударом.

Этот звук показался Волкову неожиданно важным — словно вместе с ним между «Арго-3» и внешним миром RS-417 снова возникла привычная человеческая граница: металл, герметичность, контроль, инженерные процедуры. На мониторе шлюза манипулятор завершал передачу закрытого контейнера. На отдельном измерительном канале продолжал выделяться компонент 7,8 Гц.

Изоляционная камера располагалась в нижнем научном модуле. Двойная герметичная оболочка, автономное питание и возможность аварийного сброса первоначально предназначались для работы с опасными биологическими образцами. Теперь вокруг внутреннего объёма развернули дополнительные магнитные экраны. Герметичность не гарантировала защиты от того процесса, который они наблюдали. Седов встретил группу у поста контроля, отделённого от камеры перегородкой. Капитан выглядел уставшим, но собранным.

— Контейнер уже в камере. Дальнейшие перемещения — только манипулятором. Оборудование «Вектора» к сети базы не подключать.

Волков молча кивнул. На экране цилиндр остановился в центральном отсеке. Манипулятор отошёл, защитная створка закрылась. На внешнем дисплее загорелась надпись: **КАРАНТИННЫЙ КОНТУР АКТИВЕН**. И почти одновременно встроенный магнитометр камеры зафиксировал слабый пик: 7,8 Гц. Внутренний датчик по-прежнему регистрировал сигнал. Показания наружных датчиков сохраняли отдельно: им предстояло установить, что действительно проходит за пределы камеры. Следующие два часа превратились в непрерывную серию проверок.

Мирская сверяла снимки и измерения, полученные внутри изолированного объёма. После проверки развязки Седов разрешил дистанционную микроскопию и анализ материала на встроенной установке. Вскрывать камеру или переносить частицы в общую лабораторию запрещалось. Кравцов тестировал все системы «Вектора» на предмет скрытых изменений. Волков сопоставлял активный образец, собранный у промежуточного узла, с контрольным материалом. Из самой башни они ничего не брали.

На микроскопических снимках виднелись шестиугольные пластинки размером 40–90 микрон. Элементный анализ был близок к результатам для поверхностной пыли: кремний,

алюминий, следы титана, повышенное содержание неодима и диспрозия. Состав минеральных фаз уточняли отдельно. Кристаллы демонстрировали аномально высокую степень взаимной ориентации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.